ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОИЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1984

7

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

три браслета. Левое бедро прикрыто какой-то драпировкой (?). Правой рукой, согнутой в локте и отставленной в сторону на уровне груди, богиня придерживает двойную ветвь, основание которой покоится на верхней части правого бедра. В левой руке — предмет, похожий на рог изобилия, нижняя часть его соприкасается с лоном женщины. Последнее подчеркнуто выпуклым треугольником.

Подобное женское божество на печатях кушанского времени, насколько нам известно, встречено в Средней Азии впервые. Судя по манере изображения,— это, скорее всего, божество индуистского пантеона. Так, на некоторых монетах эпохи Гуптов Индии имеется изображение стоящей или сидящей на троне обнаженной богини Лакшми, по обе стороны которой находятся слоны. На других монетах тоже изображена богиня на троне, но с плодами в руках[9].

Вместе с тем изображения облаченных в одежды богинь на троне или на животных часто встречаются на геммах и монетах кушанского времени. Это Нана, сидящая на льве, на инталии «Фрихвадева»[10] и на гемме из Британского музея[11], богиня Ордохшо на монетах Хувишки и Канишки III. Аналогичное изображение, видимо, представлено на индо-парфянских монетах Азеса[12]. На печати из Дальварзинтепа (ДТ-9) — богиня верхом на быке, в правой руке у нее ветка, в левой — рог изобилия[13]. В настенных росписях одного из храмов Дильберджина есть изображение Шивы и нагой Парвати, сидящих на быке[14]. На монетах Чандрагупты I изображена богиня на льве с рогом изобилия в левой руке. Культ богини Парвати — жены Шивы, имеющей множество персонификаций, широко почитался в Индии[15].

Нам представляется, что изображение богини на печати из Кампыртепа схоже в ряде деталей с иконографией Парвати и частично богинь Ордохшо, Наны и Оммо, носящих схожие функции.

IV. Калыб (рис. 1, а, б). Найден на цитадели, в верхнем слое помещения 17, в 15 см от дневной поверхности. Датируется, возможно, II в. н. э., или, точнее, временем Хувишки. Размеры калыба: 132×78×56 мм, размеры оттиска: 120×65×50 мм. Калыб предназначался для получения рельефных оттисков мужской головы в фас. Возможно, оригиналом для матрицы послужила небольшая скульптура из мрамора или бронзы. На оттиске — образ пожилого полного мужчины с несколько повернутой вправо головой. У него прямой нос. Глаза без зрачков, правая бровь слегка приподнята. Лицо обрамлено волосами с уложенными короткими завитками. Матрица из терракоты светло-бежевого цвета.

Находка не имеет аналогий в памятниках античного искусства Средней Азии. Эта голова «римского типа» имеет схожесть в прическе с фаюмскими портретами I в. н. э.[16] и с божеством Фарро в росписях Фаязтепа[17].

Рассмотренные памятники из Кампыртепа дают новые материалы для характеристики произведений малого искусства кушанской Бактрии и отражают влияние на них местных, эллино-римских и индийских традиций.

С. А. Савчук

---

[9] Rosenfild J. M. The Dinastic Arts of the Kushans. Univ. of California Berkeley and Los Angeles, 1967, fig. 274, 291.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Whitehead R. B. Catalogue of coins in the Panjab Museum, Lahore. Vol. I. Indo-Greek coins. Oxford, 1914, pl. XI.

[13] Пугаченкова Г. А. Терракотовая печать из Дальверзинтепе.— В сб.: История и археология Средней Азии, Ашхабад, 1978, с. 83.

[14] Кругликова И. Т. Настенные росписи Дильберджина, с. 97, рис. 56.

[15] Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977, с. 337—338; Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы древней Индии. М., 1982, с. 217.

[16] Померанцева Н. А. Искусство Древнего Египта.— В кн.: Искусство Древнего Востока, сер. «Малая история искусств», М., 1976, с. 338.

[17] Из раскопок Л. И. Альбаума; хранится в Музее истории народов Узбекистана, Ташкент (не опубликовано).

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

«МУНТАХАБ АТ-ТАВАРИХ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН XVIII—XIX ВЕКОВ

Образование централизованного государства, развитие торговых связей с Россией и иные факторы способствовали тому, что культурная жизнь в Кокандском ханстве в XVIII—XIX вв. значительно оживилась. Как указывал В. В. Бартольд, в XIX в. в Кокандском ханстве можно видеть «более оживленную культурную деятельность, литературную (особенно в области историографии) и строительную, чем в Бухарском»[1].

В это время в Кокандском ханстве было создано немало исторических сочинений. К их числу относятся: «Хада'ик ал-анвар»[2] («Сады света») мулла Юнус шига-

---

[1] Бартольд В. В. Соч., т. II (I), М., 1963, с. 165.

[2] Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР (СВР АН УзССР). Т. I. Ташкент, 1952, с. 89; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 596/II.

ул дадхаха. Сочинение посвящено истории Коканда периода правления Умар-хана (1224—1237/1810—1822) и Мухаммад Али-хана (1237—1258/1822—1842).

«Шах-наме-йи Умар-хани»[3] («Умар-ханова царская книга») мирза Каландара Исфараги. Он был придворным чиновником Умар-хана, по распоряжению которого в 1237/1822—23 г. и написал свой труд. Как отмечает Н. Д. Миклухо-Маклай, это — «сделанный по приказу названного кокандского хана (Умар-хана.— *Э. Х.*) прозаический пересказ стихотворной хроники, посвященной его истории. Составил эту стихотворную хронику придворный поэт Мухаммада Умара — Фазли Намангани»[4].

«Мир'ат ал-футух»[5] («Зерцало побед») Тура ходжа, сына Зийа ад-дина ходжа Андижани. Сочинение написано в 1281/1864—65 г. Автор, по словам Л. Зимина, «задался целью восхвалить Алим-Кула, а так как тот был кыпчак, то, следовательно, в задачи автора входило восхваление и всего кыпчакского племени»[6]. Далее Л. Зимин резюмирует, что это сочинение «надо признать весьма важным источником для истории Кокандского ханства во время царствования Шир Али-хана, Худояр-хана (в первый раз) и Маля-хана»[7].

«Хулосат ал-ахвол»[8] («Краткая биография») Абу Убайдуллы Мухаммада, сына Султан ходжи. В основном это «сочинение представляет собой описание жизни и деятельности самого автора с раннего детства по 1865 г.»[9]

«Тухфат ат-таварих-и хани»[10] («Ханский подарок историям») мулла Аваз Мухаммада, сына мулла Рузи Мухаммад Суфи Аттара. Это сочинение, известное также под названием «Та'рих-и джахан-наме» («Мир показывающая история»)[11], написано в 1286/1869—70 г. В нем «широко использованы»[12] труды среднеазиатских авторов.

«Та'рих-и Шахрухи»[13] («Шахрухова история») мулла Нияз Мухаммада. Сочинение написано «по поручению кокандского хана Худайара в третье его правление»[14], а именно в 1288/1871—72 г. По мнению Л. Зимина, это далеко не лучший»[15] источник по истории Кокандского ханства. В. В. Бартольд также отмечает, что этот источник «далеко не лучший»[16] и «далеко не самый ценный»[17].

«Зафар-наме-йи Худайар-хани»[18] («Книга о победах Худайар-хана») Абд ал-Гафура. Сочинение написано стихами.

«Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин»[19] («Генеалогии султанов и истории хаканов») мулла Мирза Алима, сына домлы Мирза Рахима Ташканди. Сочинение написано в конце XIX в. на узбекском языке. События в основном посвящены правлению Ширали-хана (1258—1261/1842—1845) и Худайар-хана, т. е. доводятся до 1875 г.

Этот перечень охватывает зафиксированные известными каталогами сочинения, но отнюдь не исчерпывает все сочинения, написанные в Кокандском ханстве или посвященные ему. Там было создано и немало литературных сочинений, которые подробно описаны в книге А. Каюмова «Кокандская литературная среда»[20].

Ведущее место среди сочинений кокандского круга занимает «Мунтахаб ат-таварих», написанное в 1258/1842—43 г. Еще Е. Каль писал: «Это объемистое историческое сочинение, малоизвестное ориенталистам и малораспространенное в Сред-

---

[3] Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. М., 1975, с. 322.

[4] Там же, с. 323.

[5] Зимин Л. Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства.— ПЗСТКЛА, год 17-й, 1913, с. 31—38.

[6] Там же, с. 37.

[7] Там же, с. 38.

[8] Урунбаев А. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства.— Известия Академии наук УзССР. Серия общественных наук, 1957, № 3, с. 33—38; СВР АН УзССР, т. VI, Ташкент, 1963, с. 60; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2084.

[9] Урунбаев А. Неизвестная рукопись..., с. 33.

[10] Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 329; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 9455/I.

[11] Набиев Р. Н. Уникальный источник по истории Кокандского ханства.— Известия Академии наук УзССР, 1947, № 4, с. 31—34.

[12] Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 329.

[13] СВР АН УзССР, т. I, с. 90; Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 331: ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1787.

[14] Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 331.

[15] Зимин Л. Зерцало побед..., с. 31.

[16] Бартольд В. В. Соч., т. VII, М., 1971, с. 308.

[17] Бартольд В. В. Соч., т. IX, М., 1977, с. 445.

[18] СВР АН УзССР, т. I, с. 89; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 598.

[19] СВР АН УзССР, т. I, с. 90, 91; т. V. Ташкент, 1960, с. 51; т. VIII. Ташкент. 1967, с. 43; Валидов А. З. Восточные рукописи в Ферганской области.— Записки Восточного отделения Российского археологического общества, т. XXII, 1915, с. 303, 304; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1314, 3753, 7515, 9841.

[20] Қаюмов А. Қўқон адабий муҳити (XVIII—XIX асрлар). Тошкент, 1961.

ней Азии,— списки его очень редки — представляет в историческом отношении большой интерес ввиду того, что автор, в особенности для новейшей истории среднеазиатских ханств, является очевидцем или же участником описываемых им событий или же говорит со слов лиц, близко стоявших и принимавших участие в ходе исторических событий в Средней Азии»[21].

А. А. Семенов считал мемуары Хаким-хана, «быть может, самым интересным произведением такого рода в персидской (персоязычной.— *Э. Х.*) литературе. Содержащиеся в этих мемуарах, исходящие от очевидца, сообщения о жизни народа и исторические сведения, вместе с впечатлениями автора о своем пребывании в Кокандском ханстве (не совсем точное утверждение.— *Э. Х.*), России, Персии, Бухаре и т. д. придают сочинению особую ценность»[22].

В. В. Бартольд также рассматривал «Мунтахаб ат-таварих» как «едва ли не главное»[23] сочинение по истории Кокандского ханства.

Авторы истории Узбекской ССР, говоря о состоянии культуры в Кокандском ханстве начала XIX в., указывают, что в то время был написан ряд сочинений, посвященных истории Кокандского ханства, причем «среди них наиболее замечательными являются мемуары Хаким-хана-тюри, охватывающие первое сорокалетие XIX в. и являющиеся важным первоисточником по истории Ферганы»[24].

По мнению Н. Д. Миклухо-Маклая, для истории Бухарского и Кокандского ханства последней четверти XVIII в. и первой половины XIX в. настоящее сочинение «имеет значение ценнейшего источника; события этого периода описаны в сочинении автором на основании его личных наблюдений и устной информации, полученной от современников и очевидцев описываемых событий; для этого же периода сочинение содержит также ряд любопытных сведений и о событиях, происходивших в других районах Средней Азии и в некоторых соседних с нею странах (например, в Афганистане и Восточном Туркестане)»[25].

Если все упомянутые выше ученые подходят к «Мунтахаб ат-таварих» только как к историческому сочинению, то Х. Расул и М. Кадырова, подготовившие на основе его рукописного узбекского варианта издание отдельных частей путешествий автора «Мунтахаб ат-таварих»[26], видят в этом труде прежде всего литературный памятник, разумеется, не игнорируя и его историческую значимость. Так, они указывают, что данные автора «о политических событиях своего времени, о видных государственных деятелях прошлого, об известных ученых, о поэтах и поэтессах, о жизни и творчестве писателей дают чрезвычайно важный материал для нашей (узбекской.— *Э. Х.*) литературы»[27].

Как пишут Х. Расул и М. Кадырова, автор «Мунтахаб ат-таварих» не только сообщает важные биографические сведения о таких известных поэтессах, как Зебуннисо, Фахриннисо и Надира, но и приводит образцы из их стихов.

Автор «Мунтахаб ат-таварих», Мухаммад Хаким-хан родился около 1217/1802—3 г. в знатной кокандской семье. Со стороны матери он был внуком кокандского правителя Нарбута-хана (*1184—1215/1770—1800*) и племянником его преемника Алим-хана (1215—1224/1800—1810). Отец автора, саййид Ма'сум-хан происходил из потомков знаменитого суфийского шейха Махдум-и А'зама, известного также как Ахмад Хаджаги Касани (ум. в 949/1542—43 г.) Саййид Ма'сум-хан был шейх ал-исламом при кокандском правителе Мухаммад Умар-хане.

Сочинение Хаким-хана относится к типу всеобщих историй. Хронологические рамки его охватывают период от «сотворения» мира до середины XIX в. Сочинение делится на так называемую компилятивную и оригинальную части. При этом в первой части также содержится немало оригинальных фактов. «Мунтахаб ат-таварих» состоит из пяти частей (баб), пятая часть делится на 12 отделов (таифа), очень неодинаковых по объему: половину всего сочинения занимает 12-й отдел, посвященный истории Кокандского ханства с начала XVIII до середины XIX в.

В рукописехранилищах СССР имеется 11 списков этого оригинального сочинения, из них шесть в ИВ АН УзССР — четыре на персидско-таджикском и два на узбекском языке[28]. Оригиналом является персидско-таджикский вариант. Самым уникальным и ценным из них считается список № 592 (677 л.).

Приводим содержание глав: вступление автора (л. 1б), часть первая — Об истории и явлении знаменитых пророков (л. 2а), часть вторая — Упоминание о персидских царях (л. 18а), часть третья — Упоминание о китайских и европейских маликах (л. 42а), часть четвертая — Упоминание об обстоятельствах халифов (л. 44а), часть пятая — Об истории правителей, которые правили с периода Аббасидского ха-

---

[21] Каль Е. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной библиотеки. Ташкент, 1889, с. 60, 61.

[22] Цит. по: Стори Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор. В трех частях. Ч. II. М., 1972, с. 1189.

[23] Бартольд В. В. Соч., т. VII, с. 308.

[24] История Узбекской ССР. Т. I. Кн. 2. Ташкент, 1956, с. 71.

[25] Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 326.

[26] Ҳакимхон. Хотиралар. Тошкент, 1966.

[27] Там же, с. 15.

[28] Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 592, 593, 594, 595, 596/I, 1560.

лифата до настоящего времени (т. е. до середины XIX в.), а их суть двенадцать династий: первая — Саффариды (л. 58а), династия вторая — Саманиды (л. 58б), династия третья — Дейламиты (л. 63а), династия четвертая — Газневиды (л. 64а), династия пятая — Сельджукиды (л. 66б), династия шестая — Хорезмшахи (л. 69а), династия седьмая — Чингизиды (л. 79а), династия восьмая — Тимуриды (л. 92а), династия девятая — Шайбаниды (л. 142б), династия десятая — Аштарханиды (л. 160а), династия одиннадцатая — Мангиты (л. 187а), династия двенадцатая — Минги (л. 328а).

Оригинальными являются разделы, посвященные последним двум династиям. Первый из них содержит последовательную и подробную историю Бухары периода Мангитов, т. е. от Мухаммад Рахима (1753—1758) до эмира Насруллы (1827—1860). Таким образом, это сочинение представляет собой ценный первоисточник по истории Бухарского эмирата. Еще в середине XIX в. Г. Вамбери писал: «Наши сведения о судьбе других стран Азии в последнем столетии становятся все подробнее и достовернее; с Трансоксанией же происходит совсем противное. По мере того, как мы приближаемся к настоящему времени, туман, окутывающий тамошнее безотрадное положение, становится все гуще и гуще... Этот мрак больше всего покрывает подробности той эпохи, к которой относится окончательное падение Аштарханидов и возвышение племени Мангит»[29]. И это отнюдь не мнение лишь одного ученого, поскольку оно отражает общее состояние данного вопроса. Об этом свидетельствуют и слова Л. Зимина: «История среднеазиатских ханств Бухарского, Кокандского и Хивинского в XVIII и XIX веках принадлежит к числу наименее разработанных отраслей истории Востока, что, по справедливому мнению пр. В. В. Бартольда, высказанному в статье, помещенной в Кауфманском сборнике, «объясняется не отсутствием источников, а равнодушием исследователей»[30].

Хотя после этого прошло более ста лет, положение в целом мало изменилось, ибо история Мангитов известна лишь в общих чертах, что обусловливается отсутствием переведенных источников. Так, при наличии немалого числа оригинальных хроник переведено всего одно сочинение, да и то, как указывает исполнитель этой работы Л. М. Епифанова, «в основной своей части посвящено одному из важнейших периодов истории Средней Азии — присоединению ее к России»[31]. В «Мунтахаб ат-таварих» же излагается подробная история Мангитов на протяжении ста лет, т. е. события как раз подводятся к тому времени, с которого начинается «Тарих-и салатин-и мангитийа».

Раздел, касающийся 12-й династии, посвящен истории Кокандского ханства с начала XVIII до середины XIX в., что составляет, как уже сказано, половину всего сочинения. *Изложение истории Кокандского ханства в «Мунтахаб ат-таварих» начинается* с 1709 г., когда небольшое Кокандское владение Мингов обособляется от Бухары и постепенно превращается в самостоятельное ханство. В это время его границы на юге уже простираются до Джизака, на западе — за пределы г. Туркестана, на севере были покорены все киргизы и власть кокандских ханов распространяется до оз. Балхаша и р. Или, а на востоке сильное влияние оказывается на Кашгарию. Завершается история Кокандского ханства временем правления Ширалихана.

Таким образом, в общей сложности дается подробное и последовательное изложение почти 150-летнего периода истории этого государства. При этом именно наиболее неизвестной ее части. Как писал еще В. А. Ромодин, в настоящее время особенно «слабо изученной остается история кокандского владения Мингов в XVIII столетии. Это видно уже из того, что до сих пор не установлена даже хронология кокандских правителей XVIII в., которая в существующих справочных сводных трудах Стэнли Лэн-Пуля и Цамбаура остается белым пятном. Мало того, до сих пор нет полной ясности и в отношении хронологии более поздних событий, происходивших в Кокандском ханстве в начале XIX в., и годы правления Алим-хана и Омар-хана точно не определены»[32].

Однако значимость «Мунтахаб ат-таварих» как источника выходит далеко за пределы истории Бухары и Коканда, поскольку в нем даются ценные и оригинальные сведения по истории Уратепинского владения, Шахрисабзского, Гиссарского, Каратегинского и Кулябского бекств. «Мунтахаб ат-таварих», как ни одно другое сочинение, содержит обильный оригинальный материал о положении народных масс в Бухарском эмирате и Кокандском ханстве. Так, автор дает подробное изложение восстания китай-кипчаков в Бухарском эмирате в 1821—1825 гг. Как пишет А. Мухтаров, еще «больший интерес представляют сообщения Хакимхана о народных волнениях на территории Кокандского ханства... Хакимхан являлся также очевидцем массового восстания жителей крепости Ям, которое произошло примерно в 1828 г.»[33]

---

[29] Вамбери Г. История Бохары или Трансоксании. Т. 2. СПб., 1873, с. 115, 116.

[30] Зимин Л. Зерцало побед..., с. 31.

[31] Мирза Абдал'азим Сами. Тарих-и салатин-и мангитийа. М., 1962, с. 7.

[32] Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 224—225.

[33] Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих (Подготовка факсимильного текста, введение и указатели А. Мухтарова). В 2 книгах. Кн. 1. Душанбе, 1983, с. 23.

Немаловажное место в «Мунтахаб ат-таварих» занимает географическая часть, которая представляет собою описание путешествий автора в Россию и страны Востока. Как пишет Н. Д. Миклухо-Маклай, эти материалы имеют большое значение, поскольку «автор сообщает ряд любопытных подробностей о странах, по которым пролегал его путь, и о различных злоключениях, пережитых им в дороге. Эта часть сочинения важна тем, что она дает достаточно конкретное и яркое представление о том, как житель Средней Азии 20-х годов XIX в., человек высокой восточной (мусульманской) образованности воспринимал европейскую жизнь и европейскую цивилизацию. Это восприятие в свою очередь лучше, чем что-либо другое, позволяет судить о культурном состоянии среднеазиатского общества первой половины XIX в.»[34]

Вполне понятно, что в рамках одной статьи невозможно даже в общих чертах охватить все содержание столь многопланового сочинения, как «Мунтахаб аттаварих». Так, мы не сказали о роли этого источника для истории сопредельных стран (Восточного Туркестана, Афганистана, Ирана), характеристики взаимоотношений между Бухарским эмиратом и Кокандским ханством, о его значении для истории узбекской классической литературы (как отмечает А. Каюмов, «Мунтахаб аттаварих» является основным источником для изучения литературной среды Коканда первой половины XIX в.»[35]), о том, что «Мунтахаб ат-таварих» сам по себе является прекрасным памятником узбекской классической прозы первой половины XIX в., который можно рассматривать как «образец прозаической мемуарной литературы XIX в.»[36] и т. д.

Резюмируя, можно сказать, что «Мунтахаб ат-таварих» занимает ведущее место среди кокандского круга источников. По времени написания он является самым ранним источником и охватывает большой отрезок времени и пространства, причем автор в значительной мере выступает как очевидец описываемых событий.

Немаловажен и тот факт, что Хаким-хан не был придворным летописцем, призванным восхвалять и увековечивать деяния своего заказчика. Более того, он открыто выступил против политики одного из наиболее жестоких правителей Кокандского ханства, за что и был изгнан за пределы государства. Чья-то верноподданническая рука на одном из списков его сочинения услужливо написала: «...Да не останется сокрытым от обладателей знания также то, что этот Хаким-тора является двоюродным братом покойного Мухаммад Али-хана мученика. Ввиду мятежных деяний вышеупомянутого тору изгнали из Коканда и Ферганы»[37].

Введение этого источника в научный обиход даст историкам ценнейший материал по истории Кокандского ханства с начала XVIII до середины XIX в.

Э. Хуршут

---

[34] Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 326.

[35] Қаюмов А. Қўқон адабий муҳити..., 15-бет.

[36] Там же, с. 14.

[37] Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 593, л. 1а.

ХРОНИКА

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФИЛОСОФОВ

15 мая 1984 г. в Ташкенте, в ТашГПИ им. Низами, состоялась вторая Всесоюзная научно-теоретическая конференция на тему «Диалектика и современное научное познание», организованная Философским обществом СССР, его Узбекистанским отделением, Министерством просвещения УзССР и ТашГПИ им. Низами. На пленарном и пяти секционных заседаниях конференции было заслушано и обсуждено свыше 100 научных докладов, сообщений и выступлений по актуальным проблемам диалектики и логики современного научного познания, подготовленных учеными Москвы, Ленинграда, Ташкента, Харькова, Одессы, Новосибирска, Алма-Аты и других городов страны.

В центре внимания участников конференции находились пять узловых проблем. К первой из них относились вопросы, связанные с раскрытием внутреннего богатства материалистической диалектики, выступающей в качестве общей методологии и логики современного научного познания. Это — единство теории и метода диалектики, их структура; влияние теории и метода на стиль научного мышления; принципы диалектики и их роль в научном познании; развитие диалектических противоречий и их роль в научном познании; взаимосвязь системного, исторического, структурного и диалектического подходов в научном познании; метод определения философского статуса научных понятий и др.

Второй круг вопросов касался методологических проблем современного научного познания, прежде всего связанных с выяснением особенностей современного научного познания, обусловленных процессами интеграции и дифференциации науки. Это — диалектика синтеза знания и естественнонаучная картина мира; общенаучные теории, методы, понятия и их роль в современном научном познании; проблемы стиля научного мышления; взаимодействие общественных, естественных и

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОИЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1985

2

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

области, он владел и ее столицей. Столь же естественно, когда на дирхемах и Науката, и Илака 406/1015—16 г. в качестве вассала верховного хана выступает одно и то же лицо (Мухаммад б. Али), а на тункетских монетах 405/1014—15 и 407/1016—17 гг. после верховного сюзерена упомянут совсем другой правитель — Чагры-тегин Хусайн. Наличие в наукатском чекане 406/1015—16 г. двух типов дирхемов не случайно и отражает смену сюзерена: в одном случае это Насир ал-Хакк Хан (т. е. Ахмад б. Али)[21], в другом — Хан ал-Аджалл (т. е. Мансур б. Али)[22]. Как раз в 405—407/1015—17 гг. между этими ханами шла борьба за власть над государством, и наукатские монеты 406/1015—16 г., очевидно, отражают один из этапов этой борьбы — переход столицы Илака под власть Мансура б. Али. Еще до ознакомления с данными монетами мы предполагали, что Илак вошел в состав владений Мансура в 406/1015—16 г.[23], теперь это вполне подтвердилось. Наконец, дирхемы 424/1032—33 г. выпущены от имени Мухаммада б. Кадыр-хана, т. е. Богра-хана Мухаммада б. Йусуфа, который на аверсе упомянут под своим лакабом — Кавам ад-Даула[24]. Как известно, в 423/1031—32 г. скончался его отец Кадыр-хан Йусуф б. Харун, после чего Мухаммад стал Богра-ханом и получил в управление Тараз, Испиджаб и Шаш (с Илаком)[25].

Вполне вероятно, что выпуск наукатских дирхемов 424/1032—33 г. был вызван не столько потребностями экономики, сколько стремлением зафиксировать сам факт полновластного владения Илаком и его столицей в официальном и широко расходившемся документе (каковым была тогдашняя монета, особенно серебряная). Очевидно, аналогичные причины привели к появлению наукатских монет 46 г. х., выпущенных от имени западнокараханидского государя Шамс ал-Мулка Насра в 461/1068—69 или 462/1069—70 г.: в кладе, содержащем этот дирхем, нет монет Насра позднее 462/1069—70 г., а сам он вступил на престол в 460/1068 г.

Таким образом, на период между 395/1004—05 и 462/1069—70 гг. приходятся шесть типов наукатских монет и четыре даты. Это немного, особенно в сравнении с тункетскими монетами 401—462/1010—70 гг. (двадцать дат и еще большее число типов)[26]. Однако не следует понимать эту существенную разницу в том смысле, что Тункет тогда был гораздо значительнее Науката. Коль скоро именно последний, как мы считаем, был при Караханидах столицей Илака, то, скорее всего, в Наукате и были выпущены многочисленные дирхемы и фельсы Илака 382—415/992—1025 гг. (двадцать одна дата и еще большее число типов)[27]. Насколько позволяют судить известные на сегодняшний день нумизматические факты, в конце X — третьей четверти XI в. торгово-экономический потенциал двух крупнейших городов Илака: Тункета и Науката,— был примерно одинаковым.

Последующий чекан Илака, Науката и Тункета не выявлен, поэтому при изучении дальнейшего развития и сравнительного значения этих двух городов придется обращаться к иным источникам, прежде всего археологическим. Не следует, однако, видеть в прекращении чекана признак резкого упадка, ибо тогда производство монет было сконцентрировано на немногих монетных дворах.

Б. Д. Кочнев

---

[21] О принадлежности лакаба Насир ал-Хакк в начале XI в. см.: Кочнев Б. Д. К идентификации некоторых раннекараханидских титулов и лакабов.— История и археология Средней Азии, Ашхабад, 1978, с. 221—222.

[22] Титул Хан ал-Аджалл принадлежал Арслан-хану: на бухарских монетах 413/1022—23 г. упомянут Хан ал-Аджалл (Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 850, № 341а), на дирхемах Бухары 412/1021—22 и 414/1023—24 — Арслан-хан (там же, с. 242—243, № 329, 342), т. е. Мансур б. Али (Кочнев Б. Д. К идентификации..., с. 221).

[23] Кочнев Б. Д. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах, с. 137.

[24] О принадлежности этого лакаба см. там же, с. 153.

[25] Там же, с. 153—154.

[26] Там же, с. 128—158. Некоторые не вошедшие в эту работу тункетские монеты выявлены нами позднее.

[27] Там же, с. 111—115. В караханидском чекане Илака нам также удалось выявить новые монеты, не упомянутые в указанной работе.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

«МУНТАХАБ АТ-ТАВАРИХ» И ИСТОРИЯ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Сочинение Мухаммад Хаким-хана торы «Мунтахаб ат-таварих» является не только важнейшим источником по истории Средней Азии, главным образом Бухарского эмирата и особенно Кокандского ханства XVIII—XIX вв., но и не менее ценным географическим и литературным памятником[1]. Здесь мы остановимся на вопросе о степени изученности этого многопланового и уникального труда.

Ныне, пока ни один из источников кокандского круга еще не переведен и не стал достоянием научной общественности, трудно сказать, в какой мере «Мунтахаб

---

[1] См. об этом: Хуршут Э. «Мунтахаб ат-таварих» как источник по истории Средней Азии и сопредельных стран XVIII—XIX веков.— Общественные науки в Узбекистане, 1984, № 7, с. 41—45.

ат-таварих» оказал влияние на данный круг источников. Но то, что оно было, не подлежит никакому сомнению. Вопрос этот довольно сложный и может быть решен только в ходе перевода все новых сочинений. Вообще эта проблема заслуживает специального исследования.

Того же мнения придерживается А. Мухтаров, по убеждению которого, характеристика всех работ, для которых «Мунтахаб ат-таварих» явился первоисточником, «требует специального исследования»[2].

По сообщению Н. Д. Миклухо-Маклая, автор «Тухфат ат-таварих-и хани» («Ханский подарок историям») мулла Аваз Мухаммад, сын мулла Рузи Мухаммад Суфи Аттара, при написании своего сочинения широко использовал труды среднеазиатских авторов, в том числе «Мунтахаб ат-таварих», причем он «нередко пересказывает большие разделы из названного труда без всяких на него ссылок»[3]. В частности, «раздел сочинения, посвященный истории Бухары при Мангытах, в значительной части заимствован из «Мунтахаб ат-таварих»[4].

Как отмечает А. Мухтаров, мулла Нияз Мухаммад, автор «Та'рих-и Шахрухи» («Шахрухова история») также использовал «Мунтахаб ат-таварих» при написании своего труда. «В обоих сочинениях,— пишет А. Мухтаров, —например, почти совпадает список тех придворных кокандских сановников, которые под руководством Маъсумхана собирались для решения вопроса о воцарении Мухаммед Али хана в 1822 г.»[5]

Об интересе к сочинению Хаким-хана свидетельствует и тот факт, что с авторского экземпляра одновременно было сделано десять списков[6], из которых ныне известны три. Один из них хранится в ИВ АН УзССР (№ 592), другой — в ЛО ИВ АН СССР (№ С 470), третий — в Институте истории АН ТаджССР (№ 63).

Вообще рукописная традиция «Мунтахаб ат-таварих» довольно богата. Так, уже в 1877 г. появился новый список, который хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (№ 44).

В 1899 г. по поручению переводчика при самаркандском военном губернаторе Сер Али Лапина был сделан еще один список, который хранится в ИВ АН УзССР (№ 593).

Спустя двенадцать лет, в 1329/1911 г., в Коканде был выполнен уже новый список, который хранится в ИВ АН УзССР (№ 595). Буквально через год, в 1330/1912 г., в Коканде был сделан очередной список, также хранится в ИВ АН УзССР (№ 596/1).

Но даже все новые списки не могли удовлетворить растущий интерес к труду Хаким-хана. Поэтому назрел вопрос о его переложении на узбекский язык, что и было сделано в 1294/1877 г. Данный список хранится в ИВ АН УзССР (№ 594).

Буквально через год, в 1295/1878 г., появился новый список на узбекском языке, который хранится в ИВ АН УзССР (№ 1560). В этом же году был сделан еще один список, который хранится в ЛО ИВ АН СССР (№ Д 90), а в 1303/1885 г.— очередной список; он также является собственностью ЛО ИВ АН СССР (№ Д 225).

Одним из первых в научной литературе «Мунтахаб ат-таварих» был использован В. Наливкиным при написании известной истории Кокандского ханства, которая до сих пор остается единственной более или менее полной историей этого государства[7].

По сообщению Л. Зимина, в хрестоматии для Туркестанской учительской семинарии, составленной В. Наливкиным, был напечатан отрывок из «Мунтахаб ат-таварих»[8].

Этот труд использовал также П. П. Иванов в работе, посвященной истории восстания китай-кипчаков в Бухарском эмирате в первой четверти XIX в.[9] П. П. Иванов пользовался списками № С 470 и № Д 90.

А. Мухтаров почерпнул из «Мунтахаб ат-таварих» сведения об удельном Ура-тепинском владении[10]. Он пользовался списком № 592.

Авторы капитальной истории Афганистана также не обошли вниманием этот ценный источник. В частности, ими использован материал о пребывании афганского эмира Дост Мухаммад-хана в 1839 г. во владениях Бухары, куда он бежал в ре-

---

[2] Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих (Подготовка факсимильного текста, введение и указатели А. Мухтарова). В 2 книгах. Кн. I. Душанбе, 1983, с. 21.

[3] Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. М., 1975, с. 329.

[4] Там же, с. 154. См. также: Ромодин В. А. Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда. М., 1960, с. 6.

[5] Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих, с. 21.

[6] Мунтахаб ат-таварих. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 592, л. 1б.

[7] Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

[8] Зимин Л. Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства.— ПЗСТКЛА, год 17-й, 1913, с. 36.

[9] Иванов П. П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг. Источники и опыт их исследования. М.—Л., 1937, с. 46, 47 и др.

[10] Мухтаров А. Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964, с. 18, 25, 28 и др.

зультате неудачной борьбы против своих противников. Здесь Дост Мухаммад-хан лично встречался с Хаким-ханом, поэтому, как указывают авторы, последний приводит «живые и яркие подробности, отсутствующие в «Сирадж ат-таварих» или описанные афганскими историками несколько по-иному»[11]. Ими же использованы приводимые Хаким-ханом сведения о восстании против англичан в Кабуле в 1841 г.[12] Эти авторы пользовались списками № С 470, № Д 90 и № Д 225.

М. Кутлуков для статьи «Взаимоотношения Китая с Кокандским ханством»[13] почерпнул из «Мунтахаб ат-таварих» сведения о восстании под руководством выходца из Кашгарии Джахангир ходжи, которое вспыхнуло в 1826 г. Хаким-хан был лично знаком с ним и дает весьма ценный материал. М. Кутлуков пользовался списком № 594.

Сочинением Хаким-хана пользовались и специалисты по истории узбекской литературы. В частности, А. Каюмов при написании книги «Кокандская литературная среда (XVIII—XIX вв.)»[14] извлек оттуда данные о Султан-хане, одном из видных представителей феодально-клерикальной литературы[15], а также о поэте и враче Хазике[16]. Хаким-хан был лично знаком с ними и привел в своем труде немало оригинальных фактов об их жизни и деятельности, а также образцы из их поэтического наследия. Как отмечает А. Каюмов, Хаким-хан «в своей книге излагает только те события, которые ему довелось увидеть лично или которые ему известны достоверно... Это произведение, написанное зрелым языком в форме мемуаров, можно воспринимать и как образец прозаической мемуарной литературы XIX в. И для источниковедов нет более важной задачи, чем перевод этого источника и его тщательное исследование»[17]. А. Каюмов пользовался списком № 594.

К «Мунтахаб ат-таварих» обращалась также М. Кадырова при написании монографии о жизни и творчестве известной узбекской поэтессы Надиры[18]. Как указывает М. Кадырова, в этом сочинении имеются важные сведения «о имени поэтессы, ее молодых годах, жизни, государственной деятельности и трагической гибели»[19]. Хаким-хан был лично знаком с нею. М. Кадырова также пользовалась списком № 594.

В книге «Жемчужины таджикской культуры в сокровищницах Индии»[20] А. Мухтаров цитирует большой отрывок из «Мунтахаб ат-таварих» о поэтессе XVII в. Нурджаханбегим, в частности о ее взаимоотношениях с Бабуридом Шах Джаханом (1627—1658), а также приводит стихи, написанные ею экспромтом при различных обстоятельствах. Значение «Мунтахаб ат-таварих» для изучения жизни и творчества Нурджаханбегим отмечается и в Узбекской Советской Энциклопедии[21]. Сведения о поэтессе Зебуннисо[22] также извлечены А. Мухтаровым из сочинения Хаким-хана. А. Мухтаров пользовался списком № 63.

Не обошел своим вниманием «Мунтахаб ат-таварих» и узбекский ученый-географ Х. Хасанов, который использовал ту часть сочинения, где повествуется о путешествиях Хаким-хана по России и странам Ближнего Востока. Вначале Х. Хасанов опубликовал популярную статью «Путешественник из Ферганы»[23], которая затем вошла под таким же названием в его книгу «Среднеазиатские географы и путешественники»[24]. По мнению Х. Хасанова, Хаким-хан «вписал в историю путешествий удивительную страницу; это узбек с острым языком, веселым сердцем, расторопным шагом, высокой сознательностью, ученый и литератор, избравший своим уделом путешествия»[25]. Далее он говорит, что «сочинение Хаким-хана является поистине одной из жемчужин узбекской культуры, письменной традиции Ферганы»[26]. Х. Хасанов пользовался списком № 1560.

По сообщению А. Мухтарова, в иранском журнале «Вахид» была опубликована статья А. Мирзоева «Мухаммед Хакимхан и его воспоминания об Иране» (1351, № 3—5)[27].

Говоря о введении этого источника в научный обиход, надо отметить прежде всего издание на современной узбекской графике отдельных частей путешествий

---

[11] Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана в двух томах. Т. II. М., 1965, с. 199.

[12] Там же, с. 209.

[13] Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982, с. 203, 216.

[14] Қаюмов А. Қўқон адабий муҳити (XVIII—XIX асрлар). Тошкент, 1961.

[15] Там же, с. 59—73.

[16] Там же, с. 110—132.

[17] Там же, с. 14.

[18] Қодирова М. Нодира. Тошкент, 1965.

[19] Там же, с. 5.

[20] Мухторов А. Дурдонаҳои маданияти тоҷикон дар ганҷинаҳои Ҳиндустон. Душанбе, 1984, с. 148—153.

[21] Узбек Совет Энциклопедияси. 8 т. Тошкент, 1976, 91-бет.

[22] Мухторов А. Дурдонаҳои маданияти тоҷикон..., с. 154—160.

[23] Ҳасанов Ҳ. Фарғоналик сайёҳ.— Фан ва турмуш, 1963, № 8, 38—39-бет.

[24] Ҳасанов Ҳ. Ўртаосиёлик географ ва сайёҳлар. Тошкент, 1964, 213—219-бет.

[25] Там же, с. 214.

[26] Там же.

[27] Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих, с. 24.

Хаким-хана, осуществленное на основе списка № 594, который по объему не только меньше оригинала, но и значительно расходится с ним[28].

Не будучи специалистами-востоковедами, издатели рискнули взяться за весьма трудное дело. Как известно, всякая работа над изданием того или иного текста начинается в первую очередь с выявления наиболее авторитетного и более раннего списка сочинения, причем только на языке оригинала. По мнению же издателей, узбекская версия «Мунтахаб ат-таварих» является оригиналом, а персидско-таджикская — его вариантом (с. 14), хотя дело обстоит как раз наоборот. Этого мнения придерживаются многие ученые.

Все это повлекло за собой целый ряд ошибок. Например, издатели утверждают, что Хаким-хан бывал в Иркутске (с. 12), Саратове (с. 12) и Стамбуле (с. 13), тогда как он там не бывал. Иркутск в его сочинении вовсе не упомянут. Вместо «Макарьевск», издатели читают «Макрия» (с. 35), «Йанбуг» (Янбо) — «Пойнук» (с. 64, 66). Вряд ли читателю известно, что кроется за этими названиями. Табария, или иначе Тивериада, находящаяся в Палестине, поясняется как Татария (с. 60) и т. д.

С текстом издатели обращаются весьма произвольно, допуская пропуски его без указания на это, вмешательство в текст и т. д. Короче говоря, данная публикация вряд ли отвечает требованиям научных изданий. Да издатели, видимо, и не задавались подобной целью, поскольку они очень упростили свою задачу (в издании нет ни одного комментария, не считая небольшого глоссария).

В. А. Ромодин перевел и опубликовал в 1973 г. небольшой фрагмент из «Мунтахаб ат-таварих»[29], в котором приведены сведения о киргизах.

В серии «Памятники письменной культуры», издаваемой в Таджикистане, в 1983 г. вышел первый из двух томов факсимильного издания «Мунтахаб ат-таварих», осуществленного А. Мухтаровым.

Во вводной статье «Мунтахаб ат-таварих» и его автор Хакимхан» (с. 9—35) А. Мухтаров касается вопроса о списках этого сочинения, источниках, использованных при его написании; отмечается историческое значение источника, а также по сравнению с имеющейся литературой дается более полная биография Хаким-хана и вкратце прослеживается маршрут его путешествий.

Издание А. Мухтарова — практически первый более или менее серьезный шаг к изучению этого уникального источника и его введению в научный обиход. В основу факсимильного издания положен список № 63.

Этими тремя публикациями и ограничивается пока вся работа по введению этого монументального и ценнейшего памятника в научный обиход.

Небольшую статью о Хаким-хане дает Узбекская Советская Энциклопедия, где приводятся уже известные биографические данные (надо сказать, крайне скудные). Автор статьи характеризует Хаким-хана как ученого-историка и просветителя[30].

Отдельные сведения о «Мунтахаб ат-таварих» и его авторе можно найти и в каталогах Е. Каля[31], СВР[32], В. А. Ромодина[33], причем последний одной из отличительных черт «Мунтахаб ат-таварих» как источника считает «многосторонность и разнообразие сведений, в чем сказались широта кругозора и большой жизненный опыт автора», который «обладал важными для автора качествами: наблюдательностью, опытом и знанием людей и событий. Его сочинение — не только богатый фактическим материалом источник для изучения политической жизни Коканда, но и один из интереснейших памятников феодальной исторической и мемуарной литературы Средней Азии»[34].

После В. А. Ромодина наиболее полные сведения приводят Ч. А. Стори[35] и Н. Д. Миклухо-Маклай[36].

Два других каталога[37] дают весьма скупые сведения об источнике, которые носят сугубо палеографический и формальный характер.

Как видим, усилия по введению этого источника в научный обиход пока крайне скромны. Его использование носило случайный, спорадический характер, что обусловливалось теми узкими задачами, которые стояли перед конкретным автором;

---

[28] Ҳакимхон. Хотиралар. Нашрга тайёрловчилар: Х. Расул ва М. Қодирова. Тошкент, 1966.

[29] Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 229—232.

[30] Ўзбек Совет Энциклопедияси. 14 т. Тошкент, 1980, 360-бет.

[31] Каль Е. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной библиотеки. Ташкент, 1889, с. 60—65.

[32] Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. I. Ташкент, 1952, с. 87—89; Т. VII. Ташкент, 1964, с. 31—33.

[33] Ромодин В. А. Некоторые источники..., с. 1—5.

[34] Там же, с. 5.

[35] Стори Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор в трех частях. Ч. II. М., 1972, с. 1189—1191.

[36] Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей..., с. 325—329.

[37] Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. М., 1965, с. 51—53; Персидские и таджикские рукописи «Новой серии» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Алфавитный каталог. Составитель Г. И. Костыгова. Л., 1973, с. 247.

во многих случаях исследователи обращались не к оригиналу, а к его переложениям на узбекский язык.

Таким образом, предстоит еще огромная работа по всестороннему и комплексному исследованию, полному научному переводу и изданию этого ценнейшего источника с привлечением всех известных его списков.

Э. Хуршут

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВУЗОВ

СТУДЕНЧЕСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КРУЖОК ТашГУ (Из опыта подготовки кадров для среднеазиатской археологии)

В апреле 1985 г. исполняется 45 лет со дня основания кафедры археологии Средней Азии при историческом факультете САГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина), ставшей базой для подготовки кадров среднеазиатской археологии[1].

С момента ее учреждения кафедра сделала особый упор на научно-исследовательскую работу, вовлекая специализирующихся по археологии студентов во все полевые исследования, проводимые на территорий Средней Азии[2]. Деятельность кафедры направлена на всестороннюю подготовку молодых специалистов, активное вовлечение их в учебный процесс, воспитание навыков самостоятельной научно-исследовательской работы. Большую роль в решении этих задач призван сыграть студенческий научно-исследовательский археологический кружок (СНАК), организованный при кафедре сразу же после ее создания[3].

Первое его заседание состоялось 5 апреля 1940 г. На нем был избран председатель кружка и принят устав, по которому научно-исследовательская работа студентов должна выполняться под руководством сотрудников кафедры и члены кружка обязаны присутствовать на научных заседаниях кафедры. Выступления на них видных ученых, дискуссии по актуальным проблемам, торжественность заседаний — все это оказывает большое влияние на формирование молодого ученого. Участие студентов в исследовательских экспедициях и научных заседаниях кафедры, общение со старшим поколением ученых сыграли весьма важную роль в сложении среднеазиатской археологической школы[4].

В настоящее время учебная программа археологической специализации предусматривает научно-исследовательскую работу студентов (НИРС) в разных формах, начиная уже с I курса. Особую роль в учебно-исследовательской работе студентов (УИРС) и в получении научно-производственных навыков играют учебная и полевая практика студентов, руководимая членами кафедры. Научно-исследовательская работа студентов (НИРС) складывается из УИРС и внеаудиторной самостоятельной работы и проводится как в ходе учебного процесса, так и по линии СНАК. Оба направления тесно связаны между собой, кружковая работа является продолжением учебного процесса. Основную специфику СНАК составляет то, что членами его являются все преподаватели и сотрудники кафедры, на заседаниях кружка их присутствие так же обязательно, как и присутствие студентов на научных заседаниях кафедры. Руководит работой кружка заведующий кафедрой, который по новому положению является председателем НИРС на кафедре.

Работа СНАК ведется в разных формах — заслушивание на заседаниях кружка сообщений об участии студентов в археологических экспедициях, о новой литературе, научных докладов, лучшие из которых выдвигаются на студенческие научные конференции — факультетские, университетские, региональные. Одобренные научными руководителями и кафедрой работы рекомендуются на республиканский конкурс на лучшую студенческую научную работу. В 1955 г. СНАК принял участие в работе Первой Всесоюзной археологической студенческой конференции в МГУ, где успешно выступили с научными докладами С. Б. Лунина, З. И. Усманова и Ю. Ф. Буряков. При содействии кафедры СНАК неоднократно успешно проводил Региональную археологическую студенческую научную конференцию (РАСК) Средней Азии и Казахстана, в работе которой участвовали студенты университетов союзных республик и пединститутов Бухары и Чимкента. Члены кружка ежегодно участвуют в региональных и всесоюзных конференциях, их работы неоднократно отмечались грамотами и дипломами.

Задача кафедры в процессе обучения студентов — привить вкус к научной работе, поскольку специфика археологии — в постоянном получении совершенно нового, не опубликованного и никем не описанного материала, требующего тщательной научной обработки. Кафедра всегда стремилась воспитывать в студентах любовь и преданность археологической науке.

---

[1] См.: Массон М. Е., Лунина С. Б. Кафедра археологии Средней Азии САГУ.— Труды ТашГУ, вып. 200, Ташкент, 1963, с. 7; Лунина С. Б. Юбилей ученого.— Общественные науки в Узбекистане, 1968, № 2, с. 80—81.

[2] Массон М. Е. Научная работа кафедры археологии Средней Азии исторического факультета САГУ.— Труды САГУ, вып. XI, кн. 3, Ташкент, 1950, с. 3—5.

[3] Массон М. Е. Студенческий научный археологический кружок (СНАК).— Сборник студенческих работ САГУ им. В. И. Ленина, вып. XV, История, Ташкент, 1956, с. 83.

[4] Массон М. Е. Среднеазиатская археологическая школа ТашГУ.— Труды ТашГУ, вып. 295, Ташкент, 1966, с. 3—12.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОИЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1986

5

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПАЙКЕНДСКОМ МИКРООАЗИСЕ

Комплексное изучение истории древнего орошения низовьев Зарафшана имеет давние традиции. В 1965 г. при Академии наук УзССР была создана возглавленная акад. АН УзССР Я. Г. Гулямовым комиссия по использованию данных исторических наук для практики народного хозяйства[1]. К настоящему времени накоплен богатый материал по истории орошения, который можно успешно использовать в целях дальнейшего развития мелиорации земель.

Данные историко-археологических исследований Пайкендского массива свидетельствуют, в частности, о непосредственной зависимости обитателей Пайкендского массива от водного баланса р. Зарафшан. В голоценовый период в гидрографии массива значительную роль сыграли рельефообразующие процессы, довольно четко подразделяемые на три главных этапа.

Первый — предголоценовый — характеризуется аридизацией климата, вздыманием горных образований и предгорных равнин, интенсивным врезанием горных и предгорных рек в более ранние отложения. На обширных пространствах происходят размыв и планация. Формирование осадков шло главным образом в речных и суходольных долинах в виде узких прерывисто-вытянутых террас. На равнинных пространствах осадки формировались за счет периодических паводков и эоловых процессов, песчано-алевролитового и глинистого состава.

На втором этапе благодаря некоторому увлажнению климата в горных и предгорных областях возрастает водность большинства рек. На равнинах идет площадное накопление осадков, а в понижениях рельефа в бессточных и полубессточных впадинах обновляются ранее существовавшие озера и образуются новые по всему периметру конуса выноса Зарафшана. Озера благодаря постоянному подпитыванию грунтовыми и поверхностными водами были слабозаболоченными.

На третьем, современном этапе еще более усиливается тектоническая активность в горном обрамлении Зарафшанской долины, а одновременно происходит иссушение климата. Тектоническая активность и колебания климатических условий в определенной мере отразились и на водности крупных рек ледникового питания. Пересыхают или полностью исчезают озера и болота, а на их местах образуются такыры и солончаки. Усиливаются эоловые процессы, припойменные и речные песчаники, лишившись постоянного увлажнения, легко развеваются ветром; образуются типичные пустынные ландшафты. Осадконакопление водным путем происходит главным образом вдоль постоянно действующих водостоков, в руслах накапливаются большие массы осадочного материала.

В дальнейшем мелкие протоки на отдельных участках и главные русла Зарафшана отмирают и засыпаются эоловыми песками. При восполнении водного баланса реки эти протоки частично размываются, а частично работают как водоподводящие каналы. Разгрузка подземных вод происходит на периферии конусов выноса. На этих участках древние земледельцы рыли колодцы, используя их воду для орошения.

Ценный материал для улучшения мелиоративного состояния земель дает изучение тысячелетнего опыта ирригаторов. Отметим, в частности, что в конце XIX — начале XX в. на территории Хорезма, Каракалпакии, Каракульского района насчитывалось более 70 тыс. чигирей. Использование подземных вод для орошения земель Пайкендского массива способствовало поддержанию исторически сложившегося критического уровня грунтовых вод, что оказывало существенное влияние на регулирование гидрохимических и геохимических процессов в условиях жаркого и засушливого климата.

Результаты историко-археологических, литолого-палеогеографических исследований могут быть практически полезными для разработки проектов мелиоративного улучшения земель за счет рационального использования подземных вод, а также для решения общих проблем инженерной геологии и гидрологии.

А. Р. Мухамеджанов, М. Х. Годин, К. А. Крахмаль

---

[1] См.: Толстов С. П. Земли древнего орошения. М., 1969. С. 63—74.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

«МУНТАХАБ АТ-ТАВАРИХ» И ЕГО СПИСКИ

«Мунтахаб ат-таварих» — один из замечательных памятников узбекской литературы первой половины XIX в. Это сочинение, написанное Мухаммад Хаким-ханом, видным историком, литератором, географом, путешественником, просветителем, является не только важнейшим источником по истории Средней Азии, главным образом Бухарского эмирата, Кокандского ханства и ряда независимых владений, а также сопредельных стран XVIII—XIX вв., но и ценным географическим и литературным памятником. Как географическое сочинение оно дает много интересного

и оригинального материала по истории и культуре целого ряда стран, в том числе России и Ближнего Востока, которые автор лично посетил и описал. Этот энциклопедический труд примечателен и тем, что он по праву считается прекрасным памятником узбекской прозаической мемуарной литературы.

Ввиду этого не удивительно, что в свое время «Мунтахаб ат-таварих», пользовавшийся большой популярностью, разошелся во множестве рукописных списков. Рассмотрению последних и посвящена настоящая статья.

Списки «Мунтахаб ат-таварих» представлены как на персидско-таджикском, так и на узбекском языках. Поэтому многие авторы оригиналом считают узбекский вариант. Так, И. М. Муминов полагал, что это сочинение написано на узбекском языке. Причем список № 594 он принимал за литографированное издание, будто бы изданное в 1877 г. в Ташкенте[1].

Х. Расул и М. Кадырова, которые на современной узбекской графике осуществили издание отдельных частей данного сочинения, выполненное на основе списка № 594, также принимают за оригинал узбекскую версию[2].

Р. Н. Набиев высказал предположение, что этот труд был написан на узбекском языке и сразу же переведен на таджикский[3]. При этом он ссылается, не указывая конкретно лист ссылки, на историческое сочинение «Анджум ат-таварих».

Однако еще П. П. Иванов писал: «Труд Мухаммед Хакима, носящий название «Мунтахаб-ат-таварих» (Избранные истории), дошел до нас как в своем персидско-таджикском подлиннике, так и в среднеазиатско-тюркском (чагатайском) переводе, который отчасти справедливо было бы назвать версией»[4].

О числе списков этого сочинения также нет единого мнения. Так, А. А. Семенов писал: «В. Л. Вяткин передавал мне, что списков «Мунтахаб ат-таварих» было сделано всего 7»[5].

Х. Хасанов говорит о пяти списках, хранящихся в ИВ АН УзССР[6]. Причем список № 594 он не упоминает. А. Насыров также отмечает, что в ИВ АН УзССР хранится пять списков — три на персидском и два на узбекском языках[7]. Х. Расул и М. Кадырова тоже говорят о пяти списках (два на узбекском и три на персидском языке)[8]. Г. И. Костыгова же пишет о шести известных в СССР списках[9].

Анализируя этот вопрос, А. Мухтаров приходит к мнению, что в рукописехранилищах Ленинграда, Душанбе и Ташкента хранится одиннадцать списков сочинения Мухаммад Хаким-хана: «Те семь экземпляров, о которых говорил В. Л. Вяткин А. А. Семенову, относятся к таджикскому варианту рукописи, а упоминаемые **10—11 экземпляры** включают таджикские и узбекские варианты рукописи»[10].

В рукописном фонде ИВ АН УзССР имеется шесть списков этой рукописи — четыре на персидско-таджикском и два на узбекском языке.

Список № 592 датируется 1259/1843 г., переписчик — домла Мухаммад Амин, о чем свидетельствуют слова: «Было от лета 1259, последний день лунного месяца раби ас-сани, пятничный день, когда в вилайете Китаб рукою ничтожного из ничтожнейших домлы Мухаммад Амина завершилась [переписка этой книги]»[11].

Это — один из десяти списков, переписанных с авторского экземпляра, о чем говорит пометка на полях рукописи: «С этой книги сделано десять списков, которые разошлись по вилайетам»[12].

На полях рукописи имеются различные добавления, порою весьма существенные (л. 18аб, 47аб—49а, 272аб и т. д.); названия некоторых разделов также даны на полях (л. 145б, 181а, 184а, 234а и т. д.); отдельные места текста намеренно тщательно смазаны пальцем (л. 226б, 227а, 639б, 645аб и др.); имеются пустые листы (л. 324б—327аб).

В каталогах указывается, что этот список содержит 677 л.[13], в действительности же их 669 л. Из ташкентских списков он наиболее полный и лучший.

---

[1] Муминов И. Философские взгляды Мирзы Бедиля. Ташкент, 1957. С. 30.

[2] Ҳакимхон. Хотиралар. Тошкент, 1966. 14-бет.

[3] Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. Ташкент, 1973. С. 7.

[4] Иванов П. П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг.: Источники и опыт их исследования. М.; Л., 1937. С. 46.

[5] Цит. по: Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих (Подготовка факсимильного текста, введение и указатели А. Мухтарова): В 2 кн. Кн. 1. Душанбе, 1983. С. 10.

[6] Ҳасанов Ҳ. Уртаосиёлик географ ва саёҳлар. Тошкент, 1964. 215-бет.

[7] Насыров А. Указатель литературы (источников) о жизни и деятельности Улугбека//Из истории эпохи Улугбека. Ташкент. 1965. С. 375.

[8] Ҳакимхон. Хотиралар. 14-бет.

[9] Костыгова Г. И. Персидские и таджикские рукописи «Новой серии» в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина//Восточный сборник. Вып. 3. М., 1972. С. 65.

[10] Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих. С. 15.

[11] Мунтахаб ат-таварих: ркп. ИВ АН УзССР, № 592, л. 669а.

[12] Там же, л. 1б.

[13] Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР (СВР АН УзССР). Т. I. Ташкент, 1952. С. 88.

Список № 593 переписан со списка № 592 в 1316/1899 г. В. В. Бартольд пишет, что он принадлежал бывшему переводчику при губернаторе Самаркандской области Сер Али Лапину (передан ему графом Н. Я. Ростовцевым)[14].

Согласно А. Мухтарову, список № 593 был куплен у Сер Али Лапина Н. Я. Ростовцевым[15].

Однако в самом списке № 593 читаем: «Настоящая рукопись списана с рукописи, принадлежащей ходжендскому старшему аксакалу Бабарахиму и доставшейся ему от внука автора этого сочинения, проживающего в г. Ходженде, весною 1899 года по моему поручению мирзою Абду-Саматовым. С. Лапин»[16].

Поскольку этот список переписан непосредственно со списка № 592, то в целом он аналогичен ему. Но вместе с тем в списке № 593 нередко встречаются ошибочно написанные лишние слова, искажения слов, отдельных имен собственных, замена титулов (бия на хана, или наоборот), отдельные места текста искажены, диакритические знаки поставлены неуместно либо вовсе отсутствуют и т. д. Все это свидетельствует о небрежности и даже неопытности переписчика.

Имеются и более серьезные ошибки. Так, переписчик дважды перепутал имя правителя Хульма Мухаммад Амин-хана с правителем Коканда Мухаммад Али-ханом (л. 194б, 195а). Далее он дважды перепутал сына кокандского правителя Ширали-хана, Абд ар-Рахман-бека с сыном Мухаммад Али-хана, Мухаммад Амин-беком (л. 221б, 222а), хотя выше уже шла речь о казни Мухаммад Амин-бека. Неверно написаны некоторые даты, например вместо 1255 г. дано 1257 г. (л. 203б). Есть и более мелкие погрешности, которые хотя и не меняют смысла текста, но являются отклонением от него.

Настоящий список содержит 481 л.

Список № 594 датируется 1294/1877 г.[17] Имя переписчика неизвестно. Это сокращенное переложение труда Хаким-хана на узбекский язык. Текст зачастую настолько далек от оригинала, что его можно принять за одну из версий «Мунтахаб ат-таварих». На это в свое время указывал еще П. П. Иванов: «Сопоставление имеющейся в Институте востоковедения Академии наук персидской рукописи Мунтахаб ат-таварих с чагатайским переводом того же сочинения показывает, что мы имеем дело с некоторого рода двумя вариантами одного и того же сочинения, в ряде мест не вполне совпадающими между собою, а поэтому требующими особо внимательного критического отношения»[18].

Имя «переводчика» (скорее всего, их несколько) также неизвестно. В целом текст является не переводом, а пересказом, хотя некоторые места, например описание путешествий автора, довольно близки к оригиналу. Нередко встречаются очень грубые ошибки. Так, «переводчик», введенный в заблуждение сходством слов «санг» (камень) и «синг» (титул индийских раджи), передал последнее как «таш» (камень). Это зафиксировано на полях списка каким-то читателем: «Тысяча камней на ваши головы, невежественные переводчики, ибо, взяв гарантом подобное невежество, вы принялись за перевод книги, заслужив тем самым на свое темя порицание камнем. Ваша глупость и невежественность были в такой степени, что при переводе имя человека вы изменили на другое слово. Какого дурака это дело! Имя правителя Лахора было Нунхал синг, а это слово суть из индийских имен. Не «санг» (т. е. не камень.— *Э. Х.*), а «синг», с *касрой син,* что является лакабом индийских раджей. Не ведая истины, вы заслужили поношение камнями»[19].

Основная сюжетная линия здесь более или менее сохранена, но менее значительные эпизоды, описания, рассуждения автора, к которым он прибегает довольно часто, опущены. «Переводчики» старательно обходят все трудные для перевода места. Вместе с тем они наряду с сокращением текста нередко вводят новые эпитеты, сравнения, риторические обороты и т. д. Характерно также стремление ввести в свой текст реалии более понятные тюркоязычному читателю. Например, «Аб-и Сиях» (№ 593, л. 230б) переводят «Карасу» (№ 594, л. 212б), вместо «фарсах» (№ 593, л. 234б) дают «таш» (№ 594, л. 216а) и т. д.

Иногда сокращение текста приводит к искажению смысла и нарушению логики повествования. Так, автор рассуждает о том, что служба у эмира Насруллы опротивела ему и он не знает, как избавиться от нее. Далее он пишет о себе, а затем переходит к описанию борьбы бухарского правителя со своими амирами (№ 593, л. 183а—185а). В № 594 вся эта часть опущена, а в итоге личные чувства автора оказались приписанными бухарским амирам (л. 193а).

В списке немало больших лакун. Их характер говорит о вполне определенной тенденции: исключить все, что не имеет прямого отношения к основному тексту. Например, в № 593 автор дает изложение истории Афганистана (л. 151б—153б), которая в № 594 отсутствует и заменена изложением других событий (л. 160а—165б). Между л. 208 и 209 этого же списка имеется большая лакуна, соответствующая в № 593 л. 198б—225б.

Значительная часть стихов оригинала также опущена, а оставшиеся, как правило, даются на персидско-таджикском языке, лишь некоторые из них переведены

---

[14] Бартольд В. В. Соч. Т. VIII. М., 1973. С. 157.
[15] Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих. С. 14.
[16] Мунтахаб ат-таварих: ркп. ИВ АН УзССР, № 593, л. 481б.
[17] Мунтахаб ат-таварих: ркп. ИВ АН УзССР, № 594, л. 408а.
[18] Иванов П. П. Восстание китай-кипчаков... С. 46—47.
[19] Мунтахаб ат-таварих: ркп. ИВ АН УзССР, № 594, л. 206б.

на узбекский язык (л. 198аб и др.). Все рассуждения автора о себе обычно опускаются, в отдельных местах повествование ведется как бы от третьего лица (л. 203б, 208а и др.).

Нередко текст совершенно не соответствует оригиналу. Так, в № 594 есть раздел: «Упоминание о событии газавата Мухаммад Али-хана с хитаи и его победе и триумфе», повествующий о походе Мухаммад Али-хана в Кашгарию (л. 182б—184а), который вклинивается в изложение борьбы Насрулла-хана за власть. Подобных примеров предостаточно.

Допущено также немало грубых ошибок. Так, правитель Мерва Байрам Али-хан перепутан с персидским шахом Баба-ханом, т. е. Фатх Али-шахом (1797—1834), который в «Мунтахаб ат-таварих» назван «ханом-кастратом» (л. 147а). Дед автора, которого также звали Хаким тора (№ 593, л. 147а), перепутан с самим автором (л. 156а).

Разночтения, носящие конкретный характер: даты, названия и т. д.— не совпадают со списками № 592 и 593, что свидетельствует о том, что он пересказан, видимо, со списка № 63 или какого-либо иного.

Факт переложения «Мунтахаб ат-таварих» на узбекский язык представляет большой интерес как для самого текста этого памятника, так и для понимания процессов литературного развития в Средней Азии XIX в.

Настоящий список содержит 408 л.

Список № 595 включает так называемую компилятивную часть и историю Мангитов, которая обрывается походом эмира Насруллы в 1259/1843 г. на Хорезм. В научной литературе утверждается, что этот список «сделан в 1329/1911 г. в Коканде с того же списка (т. е. с № 592.—*Э. Х.*) Дамуллы Мухаммад Амина»[20].

Однако осуществленное нами сравнение этого списка с № 63 позволяет утверждать, что № 595 переписан с первой части (л. 1—183) № 63, которая также переписана Мухаммад Амином. Об этом свидетельствуют всевозможные разночтения. Например, имеющееся в № 595 название раздела: «Упоминание о начале государства моего брата Мухаммад Рахима диван-беги» (л. 197а) в № 593 (естественно, и в № 592) отсутствует (л. 155г; в № 63 это соответствует л. 248). Если в № 595 продолжительность жизни бухарского эмира Хусайна определяется в тридцать три года (л. 202а), то в № 593 — тридцать один год (л. 160б; в № 63 — л. 255). В № 595 ворота Бухары были открыты перед эмиром Насруллой в 1243 г. (л. 203а), в № 593 — в 1241 г. (л. 161б; в № 63 — л. 257) и т. д. Таким образом, разночтения совпадают не со списком № 592 (593), а с № 63, послужившим оригиналом для списка № 595.

Заключительные слова текста гласят: «Первый список (т. е. № 63.— *Э. Х.*) этой книги я, Мухаммад Амин, сын домла Инайата, [переписал] в запрещенном месяце мухарраме от лета 1260 в городе Китабе в воскресный день упомянутого месяца, второй список (т. е. № 595.— *Э. Х.*) — в городе Коканде от лета 1329, 21 почитаемого месяца раджаба, в день понедельника»[21].

Встречаются недописанные слова, пропуск отдельных слов или, наоборот, даются слова, которых нет в других списках, замена слов, повторы некоторых из них. Тем не менее список очень хороший, хотя к концу рукописи переписчик, находившийся в это время в преклонном возрасте, почему-то стал опускать отдельные стихи (л. 270а и др.). Есть также незначительные пропуски текста (л. 270б и др.).

Список содержит 273 л.

Список № 596/I включает лишь вторую часть труда, посвященную истории Мингов и путешествиям автора. Переписан «рукою немощного раба, уповающего на милость истинного аллаха Баба ходжи, сына мир Убайдуллы, сына мир Мухаммад Амина»[22]. По некоторым данным, он скопирован «с другого списка того же труда, переписанного в 1260/1844 г.»[23] Однако в 1260 г. было сделано одновременно несколько списков, поэтому неясно, о каком именно идет речь, к тому же из них сохранился лишь № 63. По сообщению А. Мухтарова, настоящий список переписан с душанбинского[24].

Заключительные слова переписчика гласят: «Переписку оригинала первого списка (т. е. № 63.— *Э. Х.*) вышеуказанного труда Баба ходжа завершил от лета 1260 в запретном месяце мухарраме, второго списка (т. е. № 596.— *Э. Х.*) — в Коканде от лета 1330 25 месяца раби ас-сани»[25].

Список содержит 185 л., причем л. 83 — пустой.

Список № 1560 — узбекская версия труда Хаким-хана. Он называется также «Интихаб ат-таварих»[26]. Переписан в 1295/1878 г. Очень вероятно, что он скопирован со списка № 594. Имя переписчика неизвестно.

Список содержит 404 л.

Список № С 470 хранится в ЛО ИВ АН СССР[27]. Это старый, хорошо выполненный список, переписанный 28 раби I 1259/29 апреля 1843 г. в Шахрисабзе Кари

---

[20] СВР АН УзССР. Т. I. С. 88.

[21] Мунтахаб ат-таварих: ркп. ИВ АН УзССР, № 595, л. 273б.

[22] Мунтахаб ат-таварих: ркп. ИВ АН УзССР, № 596, л. 185б.

[23] СВР АН УзССР. Т. I. С. 88.

[24] Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих. С. 14.

[25] Мунтахаб ат-таварих: ркп. ИВ АН УзССР, № 596, л. 185б.

[26] Там же, № 1560, л. 1б.

[27] Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. М., 1975. С. 325—329; Акимушкин О. Ф.,

Аминджаном. Исходя из места и даты переписки, Н. Д. Миклухо-Маклай говорит, что он, как и список № 592, может быть одним из десяти списков с автографа. Опираясь на приписки на полях рукописи, он предполагает, что данный «список является авторским экземпляром, над текстом которого автор продолжал работать уже после окончания сочинения»[28].

Здесь имеется приложение (Н. Д. Миклухо-Маклай условно называет его «Продолжение»), которое в других списках отсутствует. Утеряны начало и конец «Продолжения», поэтому имя автора и название отсутствуют, но, исходя из многих признаков, Н. Д. Миклухо-Маклай считает его автором Мухаммад Хаким-хана.

«Продолжение» занимает л. 689а—707б и содержит описание событий в Кокандском ханстве за время правления Ширали-хана (1842—1845) до вступления на престол Худаяр-хана в 1261/1845 г.

Список № Д 90 также хранится в ЛО ИВ АН СССР[29]. Как и № 594, представляет собой изложение на узбекском языке. Переписан в 1295/1878 г. в Средней Азии. Имя «переводчика» неизвестно. По данным Л. В. Дмитриевой и др., в рукописи сказано, что «перевод» сделан «по приказанию муллы Мир Саййид Насира, сына Мир Саййид Ахмад-бая»[30].

Список содержит 435 л.

Список № Д 225, как и № Д 90,— собственность ЛО ИВ АН СССР[31]. Это узбекский вариант сочинения. Переписан в Средней Азии в 1303/1885 г. мулла Мухаммад Якубом Дадходжа оглы.

Список содержит 311 л.

Список № 44 хранится в Ленинграде в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина[32]. Датируется 1877 г. Уже в другом месте Г. И. Костыгова указывает, что его переписчик — Фазил ад-дин Кари[33]. Рукопись получена от К. П. Кауфмана.

Список содержит 357 л.

Список № 63 хранится в Институте истории АН ТаджССР. Прежде был он собственностью А. А. Семенова, но после его кончины в конце 1958 г. был приобретен Институтом истории. По словам А. А. Семенова, список принадлежал Хаким-хану[34]. Он переписан в Китабе двумя лицами: с 1 по 183 л.— Мухаммад Амином, о чем свидетельствуют его слова: «Рукою ничтожного из ничтожнейших, презренного раба Мухаммад Амина, сына домла Инайата, в запретном месяце мухарраме от лета 1260 в городе Китабе в воскресный день упомянутого месяца завершилась [переписка этой книги]»[35].

Вторая часть (л. 184—367) переписана Баба ходжей[36], внуком Мухаммад Амина. По словам А. А. Семенова, этот список «представляет громадную научную ценность как *единственный авторитетный и авторизованный экземпляр*»[37].

Список содержит 367 л. большого формата.

И наконец, по утверждению Р. Н. Набиева, в его распоряжении находился личный список «Мунтахаб ат-таварих»[38]. Однако в научной литературе каких-либо сведений об этом нет.

Итак, настоящее сочинение было написано на персидско-таджикском языке, а затем пересказано на узбекском. Пока известно 11 его списков, лучшие из них — № С 470, 63 и 592.

Э. Хуршут

Кушев В. В., Миклухо-Маклай Н. Д., Мугинов А. М., Салахетдинова М. А. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР. Ч. I. М., 1964. С. 572.

[28] Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей... С. 327.

[29] Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. М., 1965. С. 51—53.

[30] Там же. С. 52.

[31] Там же. С. 53.

[32] Костыгова Г. И. Персидские и таджикские рукописи... С. 65.

[33] Персидские и таджикские рукописи «Новой серии» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Алфавитный каталог/Сост. Г. И. Костыгова. Л., 1973. С. 247.

[34] Цит. по: Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих... С. 9.

[35] Там же. Л. 368.

[36] Там же. С. 9.

[37] Там же. С. 10.

[38] Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. С. 282. Прим. 4.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОИЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1986

12

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Видимо, по этой причине основная оборонительная стена Бактрии была возведена не здесь, а в 4 км южнее, там, где исключалась возможность обходных путей. Правда, южнее этого места через хребты Сусизтаг и Кухитанг в Бактрию можно было проникнуть по ущельям Узундара, около Сайроба, Панджоба и Хатака[14]. Однако дороги, ведущие через эти ущелья, были очень трудны и непригодны для прохождения крупных войск. К тому же, как это удалось выяснить, все они были перегорожены каменными стенами.

Можно предположить, что и в ущельях других горных районов Северной Бактрии, через которые враг мог проникнуть внутри страны, имелись аналогичные оборонительные сооружения. Еще в 1960 г. Г. А. Пугаченкова зафиксировала остатки мощной стены кушанского времени из рваного камня (ширина стены — 3 м, протяженность — 5 км), известной среди местного населения как Кафиркала и перегораживавшей горное ущелье у к. Сина[15].

Таким образом, можно говорить не о единичном случае, а о целой системе фортификационных сооружений, защищавших земледельческие оазисы Бактрии с севера, возведение которых было под силу только централизованному и сильному государству. Поскольку стена у Дарбанда бесспорно датируется I—II вв. н. э., то можно, вероятно, считать, что вся эта оборонительная система была создана кушанами и определяла северную границу их государства. Вопрос о северных границах его до сих пор остро дискутируется в науке. По мнению Б. Я. Ставиского и ряда других ученых, в состав Кушанского государства на севере входили также Согд и другие области Среднеазиатского Междуречья[16]. По М. Е. Массону же, граница проходила по Гиссарскому хребту и Байсунтау, а Кашкадарьинский и Самаркандский Согд были владением иного государственного образования — Кангюя[17].

Обнаружение стены кушанского времени у Дарбанда, как нам представляется, вносит решающий аргумент в эту дискуссию, свидетельствуя в пользу предположения М. Е. Массона.

Э. В. Ртвеладзе

---

[14] По одной из этих дорог, видимо, через Акрабат, Модун и рудник соли (Хамкан), в обход Железных ворот, проник на юг знаменитый философ и врач Чан Чунь, который в конце апреля 1222 г. отправился в ставку Чингис-хана, находившуюся в Северном Афганистане. В описании его путешествия упоминается поток с красной водой, перейдя который китайцы обнаружили соленый источник, а затем гору с залежами красной каменной соли. Это описание полностью соответствует району Хамкана, где имеются главные разработки залежей красноватой каменистой соли и выходы песчаниковых пород красной окраски, отчего вода в реках зачастую того же цвета. Из Хамкана по труднопроходимой тропе можно было пройти в Панджоб и далее, через Шерабад, к Амударье.

[15] Пугаченкова Г. А. К исторической топографии Чаганиана//Труды ТашГУ. Вып. 200: Археология Средней Азии. VI. Ташкент, 1963. С. 50—51.

[16] Ставиский Б. Я. О северных границах кушанского государства//Вестник древней истории. 1961. № 1. С. 108—114.

[17] Массон М. Е. К вопросу о северных границах государства «великих кушан»//Общественные науки в Узбекистане. 1968, № 8. С. 14—26.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

«МУНТАХАБ АТ-ТАВАРИХ» И ЕГО ИСТОЧНИКИ

При исследовании любого памятника литературы вопрос об источниках представляется немаловажной проблемой, ибо от его решения в целом зависит оценка всего памятника, его важности и значения и, в первую очередь, степени оригинальности. Как отмечал в рецензии на книгу Е. Блоше В. В. Бартольд, «без выяснения источника исторических сведений, хотя бы и ложных, невозможно правильное их толкование»[1].

«Мунтахаб ат-таварих», написанный в конце первой половины XIX в. Мухаммад Хаким-ханом, относится к типу всеобщих историй, охватывая период от «сотворения мира» до середины XIX в. И естественно, чем более ранние периоды он описывает, тем больше ощущается его зависимость от соответствующих источников. Особенно это относится к так называемой компилятивной части, которая полностью написана на основе других сочинений.

---

[1] Бартольд В. В. Соч. Т. VIII. М., 1973. С. 279.

Вообще этот вопрос представляется довольно интересным, поскольку его решение показало бы, в какой степени Хаким-хан придерживался или отдалялся от своих источников. Как известно, историки прошлого уважали традицию и не считали зазорным временами близко следовать за сообщениями предшественников, буквально повторяя их. Эта мысль четко сформулирована одним из авторов: «Конечная цель каждого историка — повторить то, что сказано его предшественником, с незначительным добавлением или сокращением, а затем довести повествование вплоть до своего времени и рассказать о современных событиях»[2].

Если, в силу сказанного, не принимать во внимание упомянутую выше компилятивную часть, «Мунтахаб ат-таварих» можно разделить на три довольно обширных раздела: история Мангитов, история Мингов, путешествия автора по владениям России и странам Ближнего Востока.

Ни в одной из этих частей автор, как правило, не называет свои источники и лишь в первой части ограничивается словами: «Да не останется сокрытым от тонких ценителей красноречия, что мы собрали из каждого розария (т. е. сочинения. — *Э. Х.)* по цветку и изложили [историю] государства Мангитов» (л. 236а). Тем не менее с большей или меньшей степенью достоверности можно назвать некоторые источники. Так, сведения о первых Мангитах: Мухаммад Рахим-хане (1753—1758) и Даниял аталыке (1758—1785) — Хаким-хан мог почерпнуть из сочинения «Тухфат ал-ханий»[3] (Ханский подарок), которое известно также как «Та'рих-и Рахим-хани» (Рахим-ханова история), написанное примерно в середине XVIII в. Мухаммадом Вафа Керминеги и законченное дамулла Алим-беком, сыном Нияз Кули-бек ишана.

Сюда же можно отнести сочинение «Тадж ат-таварих»[4] (Венец историй) Мухаммад Шарифа, сына Мухаммада Наки. Этот труд, завершенный в 1800 г., посвящен Аштарханидам и Мангитам.

Материалы для истории эмира Хайдара (1800—1826) могут быть заимствованы из «Та'рих-и амир Хайдар»[5] (История эмира Хайдара), написанного мулла Ибадуллой и мулла Мухаммад Шарифом.

Эмиру Хайдару посвящен также «Фатх-наме-йи хакани»[6] (Царственная книга побед) мирза Абд ал-Халика мунши, современника этого правителя.

Разумеется, мы привели далеко не все предполагаемые сочинения, ибо перечень их намного обширнее. Следует также иметь в виду, что информаторами Хаким-хана могли быть и участники некоторых событий или же люди, которые еще помнили о них. Как бы то ни было, заимствованный для данной части материал не столь уж значителен по объему. Основная часть раздела истории Мангитов сугубо оригинальна.

Что касается источников по истории Мингов, то на сей счет автор не обмолвился ни единым словом. Если принять во внимание, что «Мунтахаб ат-таварих» среди кокандского круга сочинений занимает ведущее место, ибо практически он самый ранний зафиксированный источник, то оригинальность этого раздела, составляющего половину всего сочинения, также не вызывает никакого сомнения. Очевидно, именно поэтому автор не высказался об источниках по этой части, как то сделано в отношении истории Мангитов.

И, наконец, третий раздел, представляя собой изложение многолетних путешествий автора по различным странам, также полностью оригинален.

Широко используя устные сообщения непосредственных участников или очевидцев событий, автор лишь изредка называет их имена. Так, он пишет: «Мой брат (т. е. друг. — *Э. Х.)*, сардар Акбар-хан и Султан Ахмад-хан, бывало, рассказывали» (л. 190б); «Мой брат Дост Мухаммад-хан, бывало, описывая того коня, смеялся» (л. 192а); «Лично факиру (т. е. автору. — *Э. Х.)* он (т. е. Махмуд-хан. — *Э. Х.)* говаривал» (л. 151а); «Ахмад-шах, бывало, рассказывал» (л. 152а); «Из уст моего брата, его высокосвященства Ишан накиба я слышал» (л. 161а); «Как мне доводилось слышать из уст самого Кадим инака» (л. 151а)[7].

---

[2] Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана *Джалал ад-Дина Манкбурны*/Пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указ. З. М. Буниятова. Баку, 1973. С. 43, 44.

[3] Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР (СВР АН УзССР). Т. I. Ташкент, 1952. С. 77, 78; Т. V. 1960. С. 47; Т. VI. 1963. С, 33; Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. М., 1975. С. 308—310; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1508, 2721, 2726/III, 3530, 4263, 4356; и др.

[4] СВР АН УзССР. Т. I. С. 85, 86; Т. V. С. 48; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1999, 2092, 4363/I, 4380.

[5] СВР АН УзССР. Т. I. С. 86; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1836.

[6] СВР АН УзССР. Т. V. С. 48, 49; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 601/I.

[7] Все сноски даны по ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 593.

В числе информаторов автор упоминает и Султан-хана Адо, одного из представителей узбекской литературы XIX в.: «Факиру неоднократно доводилось слышать из уст его высокосвященства, моего покровителя, убежища власти и знатности, ишана Султан-хан Адо Ахрара... то же самое я слышал от Йадгара диванбеги, как они говаривали» (л. 142а); «Их высокосвященство ишан Султан-хан говаривали, что они неоднократно слышали эти слова от самого Шир-Мухаммад бахадура» (л. 239б); «Как неоднократно доводилось слышать факиру из уст самого высокосвященства, моего покровителя ишан Султан-хана и нашего уважаемого ака (Махмуд-хана. — *Э. Х.*)» (л. 269б).

Сведения о взятии в плен кокандского правителя Мухаммад Али-хана (1822—1842) автору дал непосредственный исполнитель приказа бухарского эмира Насруллы (1826—1860) (л. 214аб).

Однако зачастую ссылки автора безымянны: «кое-кто утверждает» (л. 136а); «как рассказывают» (л. 137а, 138б, 139б, 156б, 226а, 311аб) или просто: «рассказывают» (л. 140б, 142а, 145б, 146а, 154б, 159б, 160а, 169а, 236а, 241б, 244б, 247б, 290а); «говорят» (л. 137б, 139а, 239б); «кое-кто говорит» (л. 227б, 238а) или «как говорят» (л. 248б).

Автор использовал и письма своих информаторов. Так, он использует адресованные ему два письма от Дост Мухаммад-хана (л. 197а), упоминает о письме Дост Мухаммад-хана к Лоту (л. 196аб), т. е. секретарю по иностранным делам при генерал-губернаторе Индии Вильяму Макнотену, о письме Султан Махмуд-хана, брата Мухаммад Али-хана, к эмиру Насрулле (л. 202аб), о письме эмира Насруллы к Мухаммад Али-хану (л. 202б) и др.

Хотя в «Мунтахаб ат-таварих» цитируется немало стихов различных поэтов, Хаким-хан далеко не всегда называет их имена. В их числе — Фирдоуси (л. 193б), Ибн Сина (л. 217б), Омар Хайям (л. 348а), Хафиз (л. 262б, 348а), Низами (л. 284а), Алишер Навои (л. 162а), Бедил (л. 165б), кокандские поэты Фазли (л. 169б), Акмал Хуканди (л. 251б, 255б, 256а), Нусрат (л. 254а), Бехджат (л. 296б), Умар-хан (л. 162а и др.), писавший под псевдонимом Амири[8].

Приводится также стих амир Хусейна (л. 323а). Здесь, видимо, речь идет о сыне бухарского правителя Шахмурада (1785—1800). Его перу принадлежит также исторический труд в стихах «Махазин ат-таква» (Сокровищница праведности). По В. В. Бартольду, это сочинение, «несомненно, будет признано одним из важнейших источников по истории Туркестана в конце XVIII и в начале XIX в.»[9] Как поэт он известен под именем Мири. Скрываясь от преследований своего брата, эмира Хайдара, Мухаммад Хусейн-хан ушел в Фергану. Хаким-хан был лично знаком с ним. В «Мунтахаб ат-таварих» приводятся биографические сведения о нем.

Особенно часто Хаким-хан цитирует стихи узбекско-таджикского поэта и врача[10], своего современника и друга Хазика (л. 155а, 162а, 178б, 201а и др.).

Как правило же, Хаким-хан не называет имена авторов стихов, ограничиваясь фразами: «как говорят», «как говорит некий поэт», «прочитал вот этот бейт», «подобно тому, как говорится» и т. д.

Авторство отдельных стихов идентифицировано нами. Это, например, стихи Хафиза (л. 268а, 316б, 338а).

Приводятся также образцы стихов непрофессиональных поэтов, например Исхак-бека (л. 206а), какого-то европейца Гиструджи (л. 442б), о котором Хаким-хан слышал во время пребывания в Иране при дворе персидского правителя Фатх Али-шаха (1797—1834), дочери Фатх Али-шаха, Пери Султан, известной также как Зия ас-Салтане (л. 432а) и т. д.

Широко использованы пословицы и поговорки, среди них персидско-таджикские, узбекские, арабские и даже одна китайская. Их достаточно, чтобы они стали предметом специального исследования. Хаким-хан мог заимствовать их как среди народа, так и из письменных источников[11].

Здесь же представлены так называемые та'рихи, известные в европейской литературе как хронограммы, в которых зашифрованы даты тех или иных событий.

Для оживления повествования Хаким-хан нередко вводит в него своеобразные вставные рассказы; их автор — правитель самостоятельного удельного Уратепинского владения Баба парваначи, рассказывающий о своих похождениях. По содержанию и форме эти короткие, художественно законченные рассказы — смешные истории, повествующие о забавных или необычных случаях. Они во многом аналогичны рассказам знаменитого враля и краснобая барона Мюнхгаузена, которые, как известно, в

---

[8] В ИВ АН УзССР хранятся три рукописи его стихов. См.: СВР АН УзССР. Т. VII. Ташкент, 1964. С. 111—113; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1880, 3642, 6672.

[9] Бартольд В. В. Соч. Т. VIII. С. 459.

[10] Ҳикматуллаев Ҳ. Шоир Ҳозиқнинг тиббий асарлари ва табиблиги ҳақида//Ўзбек тили ва адабиёти. 1969. № 3. 50—52-бет.

[11] СВР АН УзССР. Т. VI. С. 371; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 334/V.

свою очередь, восходят к фацетиям средневекового немецкого гуманиста Генриха Бебеля[12].

Приведя в качестве образца несколько рассказов, Хаким-хан говорит, что не знает, который из них записать, — так их много. Но даже приведенные он дал по настойчивой просьбе какого-то близкого человека. Автор характеризует эти рассказы как бессмысленные: как он полагает, «Баба парваначи говорил эти слова для того, чтобы посмеяться, не заботясь об их достоверности. Однако от многих уважаемых людей нам доводилось слышать, что он был убежден в их достоверности» (л. 145а).

Далее автор стремится дать этой черте Баба парваначи научное объяснение: «В медицинских книгах нам также попадалось, что это суть разновидность страсти, которая будоражит мысль, придавая уверенность силе воображения, после чего недужный принуждается говорить подобного рода небылицы. Он подвергся этой болезни после того как пробыл в заточении» (л. 145а).

Из этих слов можно заключить, что, добросовестно записывая все, что ему сообщают, автор одновременно демонстрирует здравый критицизм, отвергая недостоверное или давая научное истолкование. Таким образом, тщательно фиксируя услышанное, автор не всегда признает за ним историческую достоверность: здравое чувство естественного недоверия к невероятному и невозможному постоянно побуждает его отмежевываться от них. Так, рассказывая о взятии кокандскими войсками во главе с Умар-ханом крепости Ясса (современный г. Туркестан), автор говорит, сославшись на источник информации: «рассказывают», что в том городе есть громадный котел, который «наполняется соответственно намерению каждого человека». Например, какой-то купец зарезал и бросил в котел пятьсот овец, но котел не наполнился, хотя другой наполнил его пятью овцами, а Умар-хан — семьюдесятью. При каждом случае автор подстраховывает себя тем, что это рассказывает не он, а другие. Для него же, хотя эти «речи известны по всему Мавераннахру», «они не имеют какого-либо значения» (л. 290б).

Любопытно, что об этом котле упоминает также Е. К. Мейендорф: «...Перед мечетью, носящей его (т. е. ходжа Ахмада Яссави.— *Э. Х.*) имя, находится огромный котел, имеющий в ширину по меньшей мере две сажени. Он покоится на чугунной подставке и используется для приготовления пищи, которую состоятельные люди в определенные дни раздают беднякам»[13].

Ныне этот котел хранится в Государственном Эрмитаже под инв. № СА-15930[14].

В «Мунтахаб ат-таварих» назван также ряд сочинений. Так, в стихах какого-то поэта встречается «Канон врачебной науки» Абу Али ибн Сины (л. 163а).

Упомянуты также «Бахар-и данеш» (Весна знания), написанное шейхом Инаятуллой Канбу в середине XVII в. (л. 212а). Эта книга повествует о любви Джахандар султана и Бахравар бану. В свое время она пользовалась такой популярностью, что переводилась даже на европейские языки. В ИВ АН УзССР имеется более десяти списков этого сочинения[15].

Другое сочинение — «Тути-наме» (Книга попугая) — принадлежит Зия ад-дину Нахшаби, жившему в XIII—XIV вв. Имеется русский перевод Е. Э. Бертельса[16]. Упомянуто также «Махфиларо» (л. 212а), принадлежащее перу автора первой половины XVIII в. Бархурдар туркмена. Сюда же относится «Чахар дарвиш» (Четыре дервиша) (л. 212а). Здесь, видимо, речь идет о сочинении, авторство которого приписывается Хусраву Дихлави. В ИВ АН УзССР хранится несколько списков его[17].

В то же время надо иметь в виду, что у Курбана Хирами, уроженца Китаба, современника Хаким-хана, также есть сочинения «Чахар дарвиш», «Тути-наме» и «Махфиларо», написанные на основе упомянутых выше.

И наконец, среди этих сочинений можно назвать «Джами ал-абваб» Ахмада ибн Юсуфа, которое по приказу Сайид Джабир-хана Ширази некий Мухаммад Сайид ат-Тайиб ибн Мухаммад Садик ал-Исфахани переложил с арабского на персидский (л. 212а).

---

[12] Бебель Г. Фацетии. М., 1970.

[13] Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 70.

[14] Подробнее см.: Иванов А. А. О бронзовых изделиях конца XIV в. из мавзолея ходжа Ахмеда Ясеви//Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (История и культура). М., 1981. С. 68—84.

[15] СВР АН УзССР. Т. VI. С. 359—364; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1540, 3819, 4558; и др.

[16] Зия ад-дин Нахшаби. Книга попугая (Тути-наме). М., 1979; СВР АН УзССР. Т. V. С. 146; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 8674/II.

[17] СВР АН УзССР. Т. VIII. Ташкент, 1967. С. 185—187; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 7408, 7848, 9228; и др.

В связи с описанием достопримечательностей г. Оша, расположенного в Киргизии, говорится о какой-то истории на тюрки Алишера Навои (л. 311а). Возможно, речь идет о «Та'рих-и анбийа ва хукама»[18] (История пророков и мудрецов), где Навои наряду с другими аналогичными личностями приводит историю библейского Соломона (Сулеймана), трон которого, согласно легенде, опустился на гору в Оше, отсюда — Тахт-и Сулейман.

Как это принято в подобных сочинениях, неоднократно цитируется Коран (л. 201б, 202а и др.). Один раз упоминается Инджил (л. 373а), т. е. Евангелие. Путешествуя по владениям России, Хаким-хан посетил в Шамае (Семипалатинске) церковь, где шло богослужение, в связи с чем и упоминается Евангелие.

Дважды упомянут «Гулистан» Са'ди: первый раз в связи с встречей автора в Каире с дочерью правителя Египта Мухаммад Али-паши (л. 418б) и второй — во время его пребывания в иранском городе Сенендедж, в доме местного купца Мирзы Абу Тураба (л. 430а).

Также дважды упоминается сочинение «Нафаис ал-фунун». Первый раз — в связи с вопросом упомянутой дочери Мухаммада Али-паши: «Вы умеете играть в шахматы и нарды?» Он сказал, что «весьма искушен в этой науке, поскольку прочитал и заучил из книги «Нафаис ал-фунун» несколько видов игр» (л. 423а). В числе многих подарков, преподнесенных Хаким-хану правителем Сенендеджа Хосров-ханом, зятем Фатх Али-шаха, была и книга «Нафаис ал-фунун» (л. 438а).

С достоверностью трудно сказать, какое именно сочинение имеется в виду, но вполне возможно, что это труд Мухаммада ибн Махмуда ал-Амули (ум. после 753/1352—53 г.), который жил в правление ильхана Ульджайту (703—716/1304—1316) и был мударрисом в г. Султания (Иран). Сочинение представляет собой энциклопедию средневековых мусульманских наук гуманитарного и прикладного характера. В ИВ АН УзССР под таким названием хранится четыре рукописи[19].

Дважды упоминается и сочинение «Аджаиб ал-махлукат ва сайр ал-билад». Первый раз, рассказывая о необычных особенностях реки Иордан, которая впадает в озеро Табария, т. е. Тивериадское озеро, известное и как Галилейское море, Хаким-хан отмечает, что автор «Аджаиб ал-махлукат ва сайр ал-билад» был прав, когда писал, что вода реки Иордан, в зависимости от места ее протекания, бывает то холодной, то горячей (л. 399а).

Во время пребывания в Янбо (Янбу) — порту на восточном побережье Красного моря, — описывая разновидность мелкой рыбы, из которой изготовляют чернила, Хаким-хан говорит, что «автор «Аджаиб ал-махлукат» также пишет об этом в своей книге» (л. 404б).

Трудно сказать — идет ли речь в обоих случаях об одной и той же книге или это разные сочинения. Сочинения «Аджаиб ал-махлукат ва сайр ал-билад» нам не удалось обнаружить. Что касается «Аджаиб ал-махлукат» (Чудеса тварей), то под таким названием известен географический труд Ахмеда Туси (вторая половина XII в.), а также сочинение Закарии ал-Казвини (ок. 1203—1283) «Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-мавджудат» (Чудеса тварей и диковины существующего). Второе сочинение этого же автора называется «Аджаиб ал-булдан» (Чудеса стран), другое его название — «Асар ал-билад ва ахбар ал-ибад» (Памятники городов и сообщения о рабах аллаха)[20]. Не исключено, что Хаким-хан упоминает одну из многочисленных обработок сочинений Казвини.

Нередко автор демонстрирует образцы исторической критики источника: он сравнивает противоречивые факты, останавливая выбор на более правдоподобной, по его мнению, версии. Так, во время плавания по Красному морю он касается вопроса об исходе евреев из Египта. Как утверждает библейская литература, евреи якобы благополучно перебрались через море, в то время как войско фараона (фир'ауна) погибло. На вопрос Хаким-хана матросы сказали, что это случилось в море (л. 403б). Далее Хаким-хан пишет, что «значительная часть людей Мисра (Египта.— *Э. Х.*) единодушна в этих словах. Однако многие историки в своих авторитетных книгах утверждают, что утопление фир'ауна имело место в благословенном Ниле, а не где-то в другом месте» (л. 404б).

В целом «Мунтахаб ат-таварих» представляется совершенно оригинальным источником, ибо Хаким-хан излагает свои воспоминания, а также материал, почерпнутый путем устных распросов очевидцев или участников важнейших событий. Его информаторами были высокопоставленные влиятельные вельможи, непосредственно державшие в своих руках бразды правления государством и прекрасно осведомлен-

---

[18] Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 6871, 7412, 12111.

[19] СВР АН УзССР. Т. III. Ташкент, 1955. С. 414; Т. V. С. 419; ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 414, 2751, 2730/III и 3611.

[20] О Казвини и его трудах см.: Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т. IV. М.; Л., 1957. С. 359—365; и др.

ные во всех областях политической жизни. Надежность и достоверность подобной информации не вызывает сомнений.

Что касается незначительной информации, почерпнутой из других сочинений, то ее надежность во многом зависит от этих источников. Во всяком случае, все упомянутые в его труде сочинения характеризуют Хаким-хана как широкообразованного и эрудированного человека своего времени.

Э. Хуршут

«ТА'РИХ-И РАШИДИ» МИРЗЫ ХАЙДАРА О ФЕРГАНСКИХ КИРГИЗАХ

Письменные источники содержат отрывочные сведения о кочевых племенах, обитавших в горных и предгорных районах Ферганской долины и в конце XV — начале XVI в. По данным «Бабур-наме», такими племенами были чогираки, ашпарцы и трукшары[1], платившие налоги правителям Ферганы и выполнявшие различные феодальные повинности. На основе новых сведений, извлеченных из письменных источников, прослеживается также существование определенных политических отношений между этими кочевыми племенами, в частности тесных связей чогираков с другими киргизскими племенами, а также с владетелем Кашгарии Мирза Аба Бакром (правил до 920/1514 г.). В этой связи введение в научный оборот новых данных о чогираках, кочевом племени, игравшем важную роль в экономической и политической истории Ферганы и Кашгарии XV—XVI вв., а впоследствии влившемся в состав киргизов, представляет немаловажный научный интерес.

Ценные сведения о чогираках содержатся в «Та'рих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдара (905/1499-1500—958/1551)[2]. Они в определенной мере дополняют и уточняют немногочисленные сведения, известные о них только по мемуарам Захир ад-Дина Бабура (888/1483—937/1530). В «Бабур-наме» о чогираках сообщается, что «среди кочевых племен Андижанского вилайета есть племя Чограк (т. е. чогирак. — *Т. М.*); это большое племя в пять-шесть тысяч семейств. Они живут в горах между Ферганой и Кашгаром. У них много коней и множество овец. В этих горах вместо быков разводят кутасов. Кутасов у них тоже много. Так как их горы непроходимы и находятся на окраине, они не торопятся сдавать скот»[3].

Исследователи этнической истории киргизов на основе сопоставления данного сообщения Бабура с полевым этнографическим материалом пришли к заключению, что чогираки вошли в состав ичкиликов[4], крупного этнического объединения в составе киргизов[5].

Данные о чогираках, содержащиеся в «Та'рих-и Рашиди», более подробны, чем сообщения о них Бабура. При этом сведения, приводимые Бабуром, в основном относятся к концу XV в., а Мирза Мухаммад Хайдар сообщает о чогираках в связи с описанием обстоятельств жизни своего отца — Мухаммад Хусайн горагана (убит в 914/1508—1509 г.) и упомянутого выше правителя Кашгарии Мирза Аба Бакра, на фоне политических событий, происходивших в Средней Азии в начале XVI в.

В научной литературе название этого племени приводится по-разному: чограк[6], чоюрок[7], а также чакрак, чагрек, чегрек[8]. В «Та'рих-и Рашиди» — чогирик, за исключением одного случая, когда переписчик написал на полях: по другому списку — чирак[9], что, конечно, неверно. На наш взгляд, правильнее все название, приведенное автором «Та'рих-и Рашиди» — чогирак, поскольку оно более созвучно с самоназванием этого племени.

---

[1] Бабур-наме (Записки Бабура)/Пер. М. А. Салье. Ташкент, 1958. С. 77.

[2] О сочинении, авторе и сохранившихся рукописях его сочинений см.: Стори Ч. А. Персидская литература: Биобиблиографический обзор. Ч. II. М., 1972. С. 1202—1206.

[3] Бабур-наме. С. 44.

[4] Ичкилики — объединение киргизских племен, обитавших в предгорьях Алайского и Туркестанского хребтов и прилегающих к ним районов.

[5] Абрамзон С. М. Киргизы и их этнографические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 35—36; Маанаев Э., Плоских В. На «крыше мира» (Исторические очерки о памиро-алайских киргизах). Фрунзе, 1983. С. 52—53.

[6] Бабур-наме. С. 44.

[7] Винников В. Р. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии//Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М., 1956. С. 164.

[8] Абрамзон С. М. Киргизы... С. 36.

[9] Та'рих-и Рашиди, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1430, л. 165а.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОИЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1988

4

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

В дальнейшем такие связи стали устанавливаться между сообществами, достаточно удаленными друг от друга»[15].

Все это — наглядное свидетельство правоты марксистской точки зрения о развитии производительных сил и производственных отношений в первобытном обществе. На примере неолитических шахт Учтута мы отчетливо и конкретно прослеживаем их эволюцию.

Если на втором этапе древние люди при добывании кремня пользовались единственным орудием — отбойником, то на третьем и четвертом — увеличилось число орудий, непосредственно связанных с добычей сырья. Так, появились двуручные молоты и кирки, одноручные и роговые кирки и т. д. Это, конечно, в свою очередь, повлияло на развитие производительных сил и производственных отношений.

Известно, что церемония обмена зачастую происходила там, где добывалось сырье. Видимо, и в Учтуте обмен происходил именно там, где добывался кремень. Учтутский кремень мог обмениваться на продукцию охотничьих общин, чья деятельность известна по наскальным изображениям Сармышсая[16]. Развивающийся обмен играл большую роль в установлении взаимодействий между неолитическими племенами Бухарского оазиса. Судя по результатам анализа археологических материалов, эти племена относились к кельтеминарской культуре. К. Маркс писал: «Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для нужд обмена. Ее потребительская стоимость отделяется от ее обменной стоимости»[17]. В капиталистическом обществе, по К. Марксу, обмен осуществлялся по формуле Т—Д—Т и Д—Т—Д (т. е. товар—деньги—товар и деньги—товар—деньги). Что касается первобытного общества, то формула была, очевидно, Т—Т. Однако следует отметить, что продукт, участвовавший в первобытном обмене, был «товаром» со своей потребительной и меновой стоимостью. Значит, предназначавшиеся на обмен учтутские желваки имели потребительную и меновую стоимость. Реализовалась ли формула Т—Т—Т тогда, когда желваки кремня обменивались вторично (скажем, сначала на шкуру, а затем на что-нибудь другое), сказать пока трудно. Но ясно, что появление обмена несомненно влияло на развитие хозяйства и культуры.

Итак, месторождения Учтута были крупным центром по добыче сырья в течение длительного времени, причем на последнем, четвертом этапе Учтут стал постоянно действующим производственным центром. Добычей кремня начали заниматься определенные группы людей, обладавших профессиональными навыками. Хозяйство их было ориентировано на добычу сырья и его обмен. Стабилизация добычи высококачественного кремня прогрессивно влияла на совершенствование каменных орудий, способствовала интенсификации производства, его усложнению, изменению структуры. Наряду с другими факторами это ускоряло переход от присваивающего хозяйства к производящему. Эволюция форм распределения, появление регулярного первобытного обмена создавали предпосылки к зарождению торговли.

Т. М. Мирсаатов

[15] Румянцев А. М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. М., 1981. С. 1.

[16] Кабиров Дж. Сармышсой суратлари. Тошкент, 1976.

[17] Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1974. С. 48.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ОТ КОМПИЛЯЦИИ К ПЕРВОИСТОЧНИКУ

(На примере источниковедческого анализа «Мунтахаб ат-таварих»)

В начале XVIII в. в Ферганской долине, как известно, складывается новое политическое объединение — Кокандское ханство, которое в результате завоевательной политики его правителей со временем становится одним из довольно сильных государств Среднеазиатского региона.

Самые ранние датированные источники по истории Кокандского ханства относятся именно к первой четверти XIX в., т. е. к тому времени, когда образуется централизованное многонациональное государство, развиваются торговые связи с Россией и другие факторы, способствовавшие значительному оживлению культурной жизни в крае. Как указывает В. В. Бартольд, в XIX в. в Кокандском ханстве можно видеть «более оживленную культурную деятельность, литературную (особенно в области историографии) и строительную, чем в Бухарском»[1].

Таким образом, создание и укрепление централизованного государства, развитие экономики и культуры, рост влияния ханства в Среднеазиатском регионе, а так-

[1] Бартольд В. В. Соч. Т. II (1). М., 1963. С. 165.

же его выход на международную арену — все это способствовало появлению в XIX в. немалого числа таких исторических сочинений, как «Хада'ик ал-анвар» (Сады света) мулла Юнус шигаул дадхаха, «Шах-наме-йи Умар-хани» (Умар-ханова царская книга) мирза Каландара Исфараги, «Мир'ат ал-футух» (Зерцало побед) Тура ходжа, сына Зия ад-дина ходжа Андижани, «Хулосат ал-ахвал» (Краткая биография) Абу Убайдуллы Мухаммада, сына Султан ходжи, «Тухфат ат-таварих-и хани» (Ханский подарок историям) мулла Аваз Мухаммада, сына мулла Рузи Мухаммад Суфи Аттара, «Та'рих-и Шахрухи» (Шахрухова история) мулла Нияз Мухаммада, «Зафар-наме-йи Худайар-хани» (Книга о победах Худайар-хана) Абд ал-Гафура, «Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин» (Генеалогии султанов и истории ханов) мулла Мирза Алима и др.

Эти сочинения создавались в период с первой четверти XIX в. вплоть до падения Кокандского ханства. Будучи естественным продолжением друг друга (без учета их компилятивной части), они дают последовательную историю данного государства.

Среди них ведущее место как по времени написания, так и по значению занимает «Мунтахаб ат-таварих» Мухаммад Хаким-хана. Написанный в конце первой половины XIX в., этот труд оказал огромное воздействие на развитие историографии данного региона. По словам П. П. Иванова, «Мунтахаб ат-таварих» оказал «значительное влияние, по-видимому, на большинство позднейших историков Кокандского ханства»[2]. По свидетельству Р. Н. Набиева, «все последующие авторы в той или иной мере использовали его сведения, а некоторые полностью позаимствовали ряд разделов его работы»[3].

Однако сам «Мунтахаб ат-таварих» остался как бы в тени, так как в силу ряда обстоятельств содержание более поздних сочинений, находящихся в сильной зависимости от своих предшественников, прежде всего от «Мунтахаб ат-таварих», в какой-то степени было введено в научный оборот раньше их первоисточника.

Прежде всего это было вызвано тем, что после завоевания Кокандского ханства они оказались в поле зрения русских ученых первыми; не будучи знакомыми в то время с более ранними, оригинальными трудами, они дали этим сочинениям весьма высокую оценку. В качестве примера можно назвать «Тухфат ат-таварих-и хани» и «Та'рих-и Шахрухи». Последующие же ученые не всегда воспринимали оценки своих авторитетных предшественников с должной критикой.

Как известно, историки прошлого уважали традицию и не считали зазорным временами близко следовать за сообщениями предтеч, буквально повторяя их. Эта мысль достаточно четко сформулирована одним из авторов: «Конечная цель каждого историка — повторить то, что сказано его предшественником, с незначительным добавлением или сокращением, а затем довести повествование вплоть до своего времени и рассказать о современных событиях»[4].

При подобной ориентации авторы переносили из более ранних трудов целые отрывки или отдельные части, не усматривая в этом ничего предосудительного. В частности, это можно проследить на примере «Мунтахаб ат-таварих». При этом мы ограничимся здесь лишь той частью, которая посвящена истории Кокандского ханства с начала XVIII до середины XIX в. Поскольку автор родился в самом начале XIX в., а книгу написал в конце первой половины того же столетия, то более ранние события в какой-то мере описаны им на основе уже существовавших сочинений.

За исключением «Хада'ик ал-анвар» и «Шах-наме-йи Умар-хани», сочинений кокандского круга более ранних, чем «Мунтахаб ат-таварих», как уже сказано, науке пока не известно. Указанные два труда особого значения не имеют. Вполне возможно, что число более ранних хроник некогда было значительно большим, но, к сожалению, они не сохранились. В подобных условиях даже компилятивная часть отмеченного раздела «Мунтахаб ат-таварих» приобретает статус оригинальности, который распространяется на всю эту часть, посвященную истории мингов. Все это позволяет утверждать, что данное сочинение занимает среди кокандского круга источников ведущее место, что общепризнано как дореволюционными русскими, так и советскими учеными[5]. Именно этим и объясняется его влияние на последующее развитие исторической мысли в данном регионе.

Более поздние источники широко заимствовали материалы из «Мунтахаб ат-таварих» как прямо, так и косвенно. Так, воздействие на сочинение «Тухфат ат-таварих-и хани», вероятнее всего, было непосредственным, ибо его автор без каких-либо существенных изменений почти дословно переписывает свой источник. Более

---

[2] Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство//Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Вып. VII. М.; Л., 1939. С. 103.

[3] Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. Ташкент, 1973. С. 8.

[4] Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны/Пер. с арабск., предисл., коммент., прим. и указат. З. М. Буниятова. Баку, 1973. С. 43, 44.

[5] Хуршут Э. «Мунтахаб ат-таварих» как источник по истории Средней Азии и сопредельных стран XVIII—XIX веков//Общественные науки в Узбекистане. 1984. № 7. С. 41—45.

того, он практически без изменений заимствует даже названия разделов: Упоминание о походе Рахим-хана в сторону Самарканда, Миянкаля, Шахрисабза и их завоевание (л. 24а), Упоминание о втором походе Ирдана-бека в сторону Уратепы и поголовное избиение общества юз (л. 28б), Упоминание о завоевании Нарбута-беком вилайета Ходженд (л. 33а), Упоминание о завоевании Худаяр-бием вилайета Уратепа (л. 34а), Поход Нарбуты в сторону Тура Кургана (л. 34б), Упоминание о завоевании Андижана Нарбута-ханом (л. 35б), Упоминание о походе амир Алим-хана в Исфару против Бейбуты бахадура и завоевание той крепости (л. 39а), Упоминание об отбытии Хан ходжи в сторону Ташкента, сподобление его степени мученической кончины десницею Юнуса ходжи Ташкентского (л. 40а), Завоевание амир Алим-ханом вилайета Джуст и Тура Курган (л. 40б), Упоминание о втором походе амир Алим-хана в сторону Джуста (л. 41б) и т. д.[6]

Этот перечень можно значительно расширить, но даже из приведенного ясно, что компилятивный материал составляет довольно большую часть «Тухфат ат-таварих-и хани». Конечно, в этой части могут быть отдельные факты и детали, которых нет в «Мунтахаб ат-таварих». Однако являются ли они оригинальными, соответствуют ли действительности — все это можно установить только после перевода данного сочинения и его исследования.

Зависимость «Тухфат ат-таварих-и хани», конечно же, была известна ученым. Так, по свидетельству Н. Д. Миклухо-Маклая, мулла Аваз Мухаммад «нередко пересказывает большие разделы из названного труда без всяких на него ссылок»[7].

Еще более конкретно, но совершенно не подозревая того, высказался ученый из Киргизии В. М. Плоских: «Автор кокандского источника «Тухфат ат-таварих-и хани» одну из глав своего сочинения о раннем периоде ханства даже назвал «Глава о смуте и волнении в государстве Коканд», вслед за которой шла «Глава о покушении на жизнь амира Алим-хана»[8]. Далее автор излагает содержание указанных глав, которое для «Тухфат ат-таварих-и хани» является совершенно компилятивным, практически без изменений взятым из «Мунтахаб ат-таварих», где представлен не только этот материал, но и указанные главы: «Упоминание о волнениях и смутах во владениях Ферганы...» (л. 271б), «Упоминание о ножевых ударах дивана амир Алим-хану» (л. 272б).

Более того, в «Мунтахаб ат-таварих» по сути воспроизведена фраза, которую В. М. Плоских приводит из сочинения В. П. Наливкина: «Так и осталось неизвестным, покушался ли диван на жизнь Алим-хана по своей инициативе или по наущению других»[9]. Вот как сказано в «Мунтахаб ат-таварих»: «В конце концов они изрубили того дивана на кусочки, так и не выяснив, тот диван это большое дело сделал по чьему-либо приказу или же по своему безумию» (л. 274б).

Всем этим событиям, которые В. М. Плоских воспроизводит по «Тухфат ат-таварих-и хани», где данный материал воспринят из «Мунтахаб ат-таварих», дается довольно высокая оценка: «И это не были придворные смуты, вызванные интригами двора и борьбой за престол. Перед нами волнения простого народа. ...Это (покушение на Алим-хана.— *Э. Х.*) не случайный факт, выделенный автором в специальную главу, а серьезный кульминационный момент протеста народа ханскому правлению, приведший к покушению, причем не со стороны придворных кругов, боровшихся за власть, а со стороны безвестного «молодого дивана» как представителя всех, бесстрашно пропагандировавших антиханские лозунги»[10]. Нам представляется, что отныне эта совершенно справедливая характеристика должна быть отнесена на счет Хаким-хана.

В свете сказанного вряд ли можно согласиться с автором статьи «Уникальный источник по истории Кокандского ханства» Р. Н. Набиевым о том, что мулла Аваз Мухаммад прежде, чем приступить к написанию своей книги, «провел глубокую исследовательскую работу»[11]. Возможно, это верно лишь в отношении той части, которую принято называть оригинальной, но ни в коем случае не для компилятивной.

Материал из «Мунтахаб ат-таварих» широко представлен также в «Та'рих-и Шахрухи». В первую очередь это относится к компилятивной части, хронологически охватывающей период правления Шахрух-бия, Абд ар-Рахим-бия, Абд зл-Карим-бия, Абд ар-Рахман-бия, Ирдана-бия, Нарбута-бия, Алим-хана, Умар-хана, Мухаммад Али-хана и Ширали-хана, т. е. с начала XVIII до первой половины XIX в.

Скептическое отношение многих ученых к данному сочинению объясняется именно наличием в нем значительного компилятивного материала. Так, еще Н. Г. Маллицкий указывал, что «Таарих-и Шахрохи» — источник весьма ненадежный, далеко уступающий превосходной Мунтахаб-ут-Тауарих, Хаким Хана Тури»[12]. По

---

[6] Тухфат ат-таварих-и хани. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 9455/I.

[7] Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. М., 1975. С. 329.

[8] Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977. С. 281.

[9] Там же. С. 281, 282.

[10] Там же. С. 281.

[11] Известия Академии наук УзССР. 1947. № 4. С. 31.

[12] Маллицкий Н. Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие//ПЗСТКЛА. Год 3-й. 1897—1898. С. 159.

мнению Л. А. Зимина, это также «далеко не лучший»[13] источник Кокандского ханства. В. В. Бартольд, в свою очередь, тоже считал, что данный источник «далеко не лучший»[14], «далеко не самый ценный»[15]. Хотя в высказываниях этих авторов есть большая доля истины, они все же не совсем правы, ибо оригинальная часть данного источника содержит весьма ценный материал.

В отличие от автора «Тухфат ат-таварих-и хани», мулла Нияз Мухаммад подошел к своему труду более творчески: приводимый им компилятивный материал в известной степени переработан и содержит немало фактов, отсутствующих в «Мунтахаб ат-таварих». Видимо, именно это обстоятельство привело к целому ряду грубейших ошибок. В частности, хронология компилятивной части «Та'рих-и Шахрухи» не выдерживает никакой критики, на что обращал внимание еще П. П. Иванов: «В силу отдаленности своей от описываемых событий Нияз Мухаммед допускает ряд анахронизмов, считая, напр., что Юнус-ходжа был еще жив при завоевании Ташкента Алим-ханом»[16]. В связи с этим утверждение В. В. Бартольда, что «Юнус-ходжа удачно боролся против казаков (казахов.— *Э. Х.*), но потерпел тяжелое поражение от кокандских узбеков под командованием Алим-хана»[17], не совсем верно.

Столь же далеко от истины утверждение, что «на четвертый год восхождения [на трон Мухаммад Али-хана] изгнали из города [Коканда] также Ма'сум-хана тору, который суть муж Афтаб Айим, сестры Умар-хана». А восхождение Мухаммад Али-хана на трон имело место «в год лошади от лета 1239 в сезон осени»[18]. Фактически же Ма'сум-хан был изгнан сразу по восшествии Мухаммад Али-хана на трон, а именно в 1237/1822 г., а не в 1243 г. х.[19]

Много грубых ошибок допустил автор и в отношении Джахангира ходжи, который в 20-х годах XIX в. возглавил освободительное движение в Кашгарии против цинских властей Китая. Согласно «Та'рих-и Шахрухи», это произошло якобы на девятом году правления Мухаммад Али-хана, т. е. в 1248 г. х., причем руководство приписано не Джахангир ходже, а его сыну Бузург-хану[20]. Как известно, власть Джахангира ходжи над Кашгарией длилась девять месяцев[21]. По «Та'рих-и Шахрухи» же, она продолжалась три года, ибо «на двенадцатый год восхождения [на трон Мухаммад Али-хана] пришло войско Хитая, которое отторгло Кашгар из длани владения Бузург-хана»[22]. Очередной поход на Кашгарию был предпринят в 1830 г. По «Тарих-и Шахрухи», он якобы имел место на шестнадцатом году правления Мухаммад Али-хана, т. е. в 1255/1839—40 г.[23] Таких примеров можно привести очень много.

Подобная, с позволения сказать, хронология «Та'рих-и Шахрухи» привела к невероятной путанице в научной литературе, поскольку издание текста данного памятника сделало его более доступным для ученых, которые не всегда критически относились к приводимым в нем сведениям.

В компилятивной части «Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин» мы видим ту же картину, с той разницей, что здесь изложение материала дано в сжатом, так сказать, конспективном виде. Причем имеются детали, которые отсутствуют у Хаким-хана. Так, мулла Мирза Алим говорит об убийстве Абд ал-Карим-бием своего брата Абд ар-Рахим-бия[24]. Согласно же Хаким-хану, он умер от болезни (л. 238б). Если мулла Мирза пишет о двенадцатилетнем периоде правления Абд ар-Рахим-бия[22], то Хаким-хан называет десять лет (*л.* 238б), и таких расхождений немало. Однако вопрос о том, в какой степени был переработан компилятивный материал в «Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин» (впрочем, как и в других сочинениях),— это предмет особого исследования.

Подводя итоги, можно сказать, что значимость созданных в духе требований того времени сочинений в целом или их определенных частей неравноценна — если современные автору события обычно характеризуются как оригинальные, то более ранние части непременно создавались на основе предшествующих трудов. Поэтому по традиции их принято делить на компилятивную и оригинальную части. Причем то, что в одном сочинении является компилятивным, для другого сугубо оригинально.

---

[13] Зимин Л. Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства// ПЗСТКЛА. Год 17-й. 1913. С. 31.

[14] Бартольд В. В. Соч. Т. VII. М., 1971. С. 308.

[15] Там же. Т. IX. М., 1977. С. 445.

[16] Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство. С. 114.

[17] Бартольд В. В. Соч. Т. III. М., 1965. С. 502.

[18] Та'рих-и Шахрухи. Сочинение мулла Нийаз Мухаммада, сына мулла Ашур Мухаммада Коканди/Изд-е Н. Пантусова. Казань, 1885. С. 113.

[19] Хуршут Э. Ҳакимхоннинг ҳаёти ва саёҳатлари. Тошкент, 1987. 6, 7-бет.

[20] Та'рих-и Шахрухи. С. 114.

[21] Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1985. С. 144.

[22] Та'рих-и Шахрухи. С. 116.

[23] Там же. С. 117.

[24] Ансаб ас-салатин ва таварих ал-хавакин. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1314, л. 15а.

[25] Там же.

Разумеется, авторы не всегда просто механически переносили в свой труд заимствованный материал, ибо при этом они руководствовались определенными политическими целями и интересами. Поэтому при заимствовании того или иного материала автор, стремясь обработать его, нередко мог привносить в текст сознательные или невольные ошибки. Так, при сокращении текста он мог механически соединить конец одного и начало другого предложения, разделенных многими фразами, и тем самым совершенно исказить смысл излагаемого, или же под влиянием политических событий своего времени намеренно исказить исторические факты. И неудивительно, что именно в подобных компилятивных частях нередко содержатся неточности и противоречия, искажения исторических и хронологических фактов и т. д.

Короче говоря, подобные компилятивные части должны изучаться только на основе того сочинения, где они являются оригинальными, тем самым одновременно будет решен вопрос об установлении достоверности содержащихся в первых сведений, поскольку в компиляции наряду с ценными данными заключаются и выдуманные или же значительно переиначенные факты. Как известно, даже списки одного и того же сочинения зачастую содержат существенные фактические расхождения.

В подобных условиях каждый исследователь, берясь за изучение того или иного памятника, должен иметь четкое представление не только о ценности этого труда, но и о месте, занимаемом им среди родственных сочинений, четко расчленять то, что написано непосредственно автором как современником или очевидцем, от того, что он заимствует из других сочинений. Только такой подход позволит дать его точную научную оценку. Именно это имеет в виду один из авторов, говоря: «Задача источниковедческого анализа в том и состоит, чтобы, определяя происхождение и состав источника, выявить те первоисточники, на которых источник основан, и заново их проанализировать, чтобы убедиться, не внес ли исследуемый вторичный источник в использованный им первоисточник какие-либо искажения, добавления, изменения»[26].

Мы не ставили перед собой цель дать исчерпывающую картину зависимости сочинений, написанных после Хаким-хана, от его труда, ибо подобный вопрос можно решить только в ходе перевода все новых сочинений, что само по себе весьма важно. Вообще говоря, эта проблема заслуживает специального рассмотрения, ибо, как говорил В. В. Бартольд, «удовлетворить требованиям исторической критики мы, конечно, будем в состоянии только тогда, когда от позднейших компиляций будем восходить к первоисточникам»[27].

В заключение следует сказать, что при наличии «Мунтахаб ат-таварих» изложенный в последующих сочинениях материал о событиях с начала XVIII до середины XIX в. имеет лишь дополнительное значение.

Э. Хуршут

---

[26] Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 73.

[27] Бартольд В. В. Соч. Т. I. М., 1963. С. 48.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. М. АШРАФИ. БЕХЗАД И РАЗВИТИЕ БУХАРСКОЙ ШКОЛЫ МИНИАТЮРЫ XVI в.

(Душанбе: Дониш, 1987. 240 с., 32 ил.)

В наши дни существенно возрос интерес к культурному наследию народов Востока, внесших огромный вклад в духовную сокровищницу человечества. Вместе с тем многие аспекты этого наследия еще нуждаются в дальнейшем углубленном изучении. В их числе проблема развития замечательного искусства миниатюры народов Среднего Востока, которой посвящена обширная литература на многих европейских и восточных языках.

Привлекает к себе внимание и среднеазиатская ветвь миниатюры. Однако у западных ученых сложилось мнение о «провинциальном», несамостоятельном ее характере. Считалось, что среднеазиатская, или «бухарская», школа лишь отражала славу герата. Существовали разные точки зрения на происхождение и развитие миниатюры данного региона, и в этой связи неверно определялись место и роль бухарской школы XVI в. в развитии средневековой живописи. Этому способствовал ряд объективных причин — недостаточное знание материала, разбросанность его по различным коллекциям мира, малодоступность зарубежных фондов для отечественных исследователей, слабая изученность источников, их недостаточная публикация и т. д.

С 40—50-х годов XX в. усилиями ряда советских ученых, в первую очередь А. А. Семенова, Г. А. Пугаченковой, а также О. И. Галеркиной, В. Г. Долинской и др., была пробита брешь в неправильных представлениях о роли и месте, оригинальности и ценности среднеазиатской миниатюры. Был решен ряд первоочередных